

На правах рукописи

ПАШКУРОВ Алексей Николаевич

**ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ
ПОЭЗИИ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА И ПРЕДРОМАНТИЗМА
В СВЕТЕ КАТЕГОРИИ ВОЗВЫШЕННОГО**

Специальность 10.01.01. – Русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань - 2005

Работа выполнена на кафедре русской литературы Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина» Министерства образования и науки Российской Федерации (ГОУ ВПО КГУ им.В.И.Ульянова-Ленина МО и НРФ).

Научный консультант – доктор филологических наук,
профессор **Нигматуллина Юлдуз Галимжановна**

Официальные оппоненты –

Доктор филологических наук, профессор **Федотов Олег Иванович (Москва)**

Доктор филологических наук, профессор **Травников Сергей Николаевич (Москва)**

Доктор педагогических наук, профессор **Буранок Олег Михайлович (Самара)**

Ведущая организация – **Московский государственный областной университет**

Защита диссертации состоится 30 января 2006 года

в часов на заседании диссертационного Совета Д.212.081.14

в Казанском государственном университете по адресу:

420008, г.Казань, ул.Кремлевская, д.35 (2-ой учебный корпус),

ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета (Казань, ул.Кремлевская, 35).

Автореферат разослан декабря 2005 г.

Ученый секретарь

диссертационного Совета

кандидат филологических наук, доцент

Козырева Мария Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования

В свете возросшего внимания современной науки к проблемам преемственности и переходности, а также диалогов различных направлений в литературном процессе, особый интерес в истории русской литературы представляют порубежные десятилетия, особенно – на границах двух веков. Для России Нового времени вторым по значимости таким периодом, после эпохи Петровских преобразований, выступили 1770-1810-е годы. Это время характеризуется превалированием сентименталистской и предромантической художественных концепций в отечественной словесности. Именно они выступают определяющими в эволюции поэзии означенного периода.

Следует отметить, что для современной научной мысли аксиомой становится и полифония внутри системы взаимодействий сентиментализма и предромантизма.

Ряд исследователей, особенно – на рубеже XIX-XX веков, смешивает понятия «сентиментализма», «предромантизма» (а зачастую и «романтизма») вследствие теоретической непроясненности их сути¹.

Другое русло научной мысли рассматривает европейский предромантизм как общеродовое явление, одним из видов которого выступает сентиментализм². В отечественной науке рубежа XX-XXI веков заслуживает внимания гипотеза А.С.Курилова, согласно которой классицизм (еще в середине XVII века – в Европе) «взламывается» изнутри фольклорными изысками готовящегося романтизма, а затем уже «..сентиментализм [...] возникает после романтизма»³.

Достаточно широко в литературоведении XX века представлены концепции, утверждающие фактическую тождественность сентиментализма и предромантизма в литературном процессе. Характерны работы отечественных исследователей первой половины XX века: Г.А.Гуковского, Д.Д.Благого, Л.В.Пумпянского. Сходных позиций придерживался и европейский исследователь Х.Небель⁴. Интересна в этом свете также равно признаваемая и отечественными и зарубежными филологами гипотеза о сентименталистской (= (пред)романтической) природе знакового для Европы учения Руссо).

¹ См. работы: В.Уханов – «Карамзин и Жуковский как представители двух направлений в нашей отечественной литературе – сентиментализма и романтизма» (1888), А.Веселовский – «В.А.Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» (1914)

² Tieghem van P. Le preromantisme... / P.van Tieghem. – Paris, 1924; Grasshoff H. Zur Rolle des Sentimentalismus in der historischen Entwicklung der russischen und der westeuropäischen Literatur / H.Grasshoff // Zeitschrift für Slavistik. – Berlin, 1963. – Bd.VIII. – S.558-570

³ Курилов А.С. Классицизм, романтизм, сентиментализм (К вопросу о концепциях и хронологии литературно-художественного развития) / А.С.Курилов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Самара: «НТЦ», 2001. – С.47-55

⁴ Nebel H. N.M.Karamzin: A Russian sentimentalist / H.Nebel. – The Hague, Paris, 1967.

Из подобного профиля «предромантико-центричных» концепций следует отметить и гипотезу о переходном и кризисном характере предромантизма, выступающего неким «противоядием» на пути эволюционного развития от сентиментализма к реализму. Как отмечал, к примеру, С.Тураев, предромантизм очевидно склонен к декадансу и эпатированию равно идей Просвещения и становящихся романтических мотивов¹.

Наконец, со второй половины XX века складывается в науке идея о «суверенном бытии» предромантизма, при одновременном признании его ведущей роли на переходе:

- а) от барокко и классицизма к литературе второй половины XVIII столетия²;
- б) от расцвета Просвещения к его переосмыслению и кризису (критический обзор западных концепций в этом ключе³;
- в) к неоклассицизму и в переплетении с ним⁴;
- г) к романтизму и далее – к реализму⁵.

К настоящему времени все более актуализируется и активизируется русло научных гипотез, связанное с представлением о параллельном сосуществовании сентиментализма и предромантизма, при более четко намечающейся тенденции влияния первого на второй. Бесспорны факты влияния на сентименталистско-предромантическую область предшествующих литературно-философских традиций (к примеру, таково отражение в сентименталистском культе «высокой Добродетели» просветительской идеологии или реликты барокко в предромантической философии Гения). Учитывая все это, мы придерживаемся точки зрения *о взаимодополняющем сосуществовании сентиментализма и предромантизма как современных друг другу, но и самостоятельных явлений историко-литературного и философско-эстетического процесса.*

Суверенно, в системе поэзии и сентиментализма и предромантизма, актуальность исследования литературного процесса России конца XVIII – начала XIX веков определяется, кроме всего этого, и проблемой диалога писателей «центра» («ядра») и «периферии» в семиосфере, каковой является литературный процесс. Ю.М.Лотман в своих исследованиях разных десятилетий неоднократно отмечал, что если у авторов, относящихся к «ядру» и выраба-

¹ Тураев С.В. От Просвещения к реализму (Трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII – начала XIX веков) / С.В.Тураев. – М.: Наука, 1983

² Западов В.А. Литературные направления в русской литературе XVIII века / В.А.Западов.- СПб: ИМА-Пресс, 1995; Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко... / Л.И.Сазонова. – М.: Наука, 1991; Шарыпкин Д.М. Скандинавская тема в русской романтической литературе / Д.М.Шарыпкин // Ранние романтические веяния. – Л.: Наука, 1972. – С.96-167.

³ Schroder W. Die Preromantictheorie... / W.Schroder // Weimarer Beitrage. – 1966. – Н.5/6. – S/723-765.

⁴ Drage C. Russian Literature in the Eighteenth Century... / C.Drage. – London, 1978; Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века / С.А.Кибальник. – Л.: Наука, 1990; Кузьмина Е.И. Неоклассицизм как литературно-эстетическое явление рубежа XVIII – XIX веков / Е.И.Кузьмина. – Оренбургск.пед.ун-т. – Оренбург, 2001

⁵ Архипова А.В. О русском предромантизме / А.В.Архипова // Русская литература. – 1978. - № 1. – С.14-25

творяющих, соответственно, «язык» данной культуры, нередко побеждает в творчестве жесткая заданность нормы, канон, то писатели «периферии» зачастую гораздо ближе к диалектике литературного развития¹. В их творчестве подчас гораздо зримее полифония художественных методов, жанров, равно как и вообще – литературных явлений «смежного порядка» (типа неоклассицизма и ряда др.). В сентименталистской поэзии 1770-1810-х годов диалог тенденций «ядра» и «периферии» наглядно представлен, к примеру, через взаимодействие творческих систем Н.М.Карамзина (каноническое «ядро», в т.ч. и на прозрачном лексическом уровне) и М.Н.Муравьева (эволюционирующая диалектичная «периферийность» – залог развития, особенно – в предромантической модели). Русская предромантическая лирика изначально несравнимо более, и в этом специфика ситуации, тяготеет к доминанте «периферийных», в лотмановском понимании, тенденций. Достаточно четко видна, к примеру, более слабая позиция «центра» («ядра») в сравнении с «периферией» на соотношении поэзии Н.А.Львова (подвижнейшая «периферия» на грани с сентиментализмом, предромантизмом, ранним романтизмом – и даже с определенными подвижками к реалистической поэтике через пластику деталей) и Г.П.Каменева (каноны «кладбищенского» русла предромантизма в переходе к раннему романтизму)

Преобразующим центром русской поэзии конца XVIII – начала XIX веков сентиментализму и предромантизму во многом помогла стать поэтика Возвышенного. Это один из аспектов общего процесса проявления детерминирующей роли философско-эстетической мысли в художественной словесности.

Категория Возвышенного, еще на заре своего теоретического осмысления – в ранневизантийскую эпоху, зачастую «перекодирует» всю систему мировой литературы и эстетики на язык понятий Нового времени². «В философском содержании возвышенное можно определить как противоречие между бесконечностью развития сущности и недостаточностью, неполнотой ее структурной организованности, выраженности, выявленности»³. Вытекающее отсюда, и приоритетное для нас!, обстоятельство заключается в том, что Возвышенное обнаруживает в итоге и ясную предрасположенность к явлениям переходного характера. В основе этой субъективно-объективной категории⁴ лежит понятие Бесконечности и проблема ее воплощения (применительно к творческой деятельности человека – прежде всего: в искусстве).

Возвышенное проявляет себя на таких, по возрастанию степени его осмысления, уровнях, как:

¹ Лотман Ю.М. Поэзия 1790-1810-х годов / Ю.М.Лотман // Поэты 1790-1810-х годов. – Л.: Сов.писатель, 1971. – С.5-66; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... / Ю.М.Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996.

² Бычков В.В. Византийская эстетика / В.В.Бычков. – М.: Искусство, 1997

³ Нигматуллина Ю.Г. Функция Возвышенного в произведениях русского классицизма и романтизма / Ю.Г.Нигматуллина // Wiener slawistischer Almanach, 1994. – Bd.34. – S.18

⁴ См. такое понимание в т.ч. в работах Н.И.Крюковского

1) *Воплощенность в мире (Бытии) вокруг человека*. На уровне понимания Возвышенного через функциональную связь Сущности и Явления центральной выступает проблема воплощения «Бесконечного в Конечном».

2) *Восприятие человеком*. Здесь на первый план в структуре Возвышенного выступает феномен двойственного эстетического переживания: «Восторг – Страх» (ср. в концепциях позднего Канта и Гегеля).

Оба эти означенных уровня осмысления Возвышенного способствуют во многом также самоопределению эстетического идеала в искусстве.

3) *Проблема преобразования человеком – мира (через осмысление Бесконечности)*. Еще с эры античной философии, осмысление развития мира предстает как понимание движения между полюсами Хаоса и Гармонии. Системная сверхзадача категории при этом – «ориентироваться на сложнейший процесс возникновения порядка из хаоса»¹. Для отечественной культуры, с ее богатейшим нравственно-гуманистическим потенциалом, подобная диалектика реализуется, прежде всего, через *этический идеал*².

В историко-литературном процессе именно категория Возвышенного позволяет проследить многофазовое движение от нового понимания мира в целом – через освоение новых систем тематических образов и моделей жанров – к индивидуальному мировосприятию и стилю того или иного конкретного писателя.

Из сферы философско-эстетической мысли в поле науки о литературе категория Возвышенного устойчиво переходит к началу XX века³. В последнюю четверть XX века равно плодотворно развернули изучение феномена Возвышенного в эстетике и словесности разных времен германские, французские и швейцарские исследователи⁴.

Приоритетно для нас то обстоятельство, что с 1960-х годов заговорили о категории Возвышенного исследователи русской литературы XVIII века (зачастую подключая и необходимые данные философской эстетики). Убедительными примерами могут служить труды: «Поэзия русского барокко» (1991) Л.Сазоновой, «Литературная теория русского классицизма» (1981) А.Смирнова и «Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730-1762 годов» (1997) Е.Погосян, «Оссиан в русской литературе» (1980) Ю.Левина, «Ли-

¹ Das Erhabene: Zwischen Grenzerfahrung und Grossenwahn. – Weinheim, 1989

² Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала / Ю.Г.Нигматуллина. – Казань: Изд-во Казанск.гос.ун-та, 1970.

³ Саккетти Л. Эстетика в общедоступном изложении / Л.Саккетти. – Петроград, 1917. – Т.2; Monk S. The Sublime. A Study of Critical Theories in XVIII-Century England... / S.Monk – New York, 1935

⁴ Das Erhabene... – Weinheim, 1989; Du sublime. – Paris, 1988; Фигут Р. Дискурс о Возвышенном в русском сентиментализме. А.Радищев и Н.Карамзин / Р.Фигут // Русский текст. – СПб., 1995. – № 3. – С.47-60; см. также монографию английского ученого: Weiskel Th. The romantic sublime... – Baltimor-London, 1986; по проблеме Возвышенного в романтической словесности – см. работы Ю.Г.Нигматуллиной

тература русского сентиментализма» (1994) Н.Кочетковой. В монографии Н.Д.Кочетковой «Представления о Возвышенном» вынесены, более того, в специальный раздел¹.

Актуальность исследования поэзии русского сентиментализма и предромантизма в их взаимодействии с детерминантной категорией Возвышенного стимулируется целым рядом историко-литературных факторов. Во-первых, ключевую роль, бесспорно, играет характерная полифония различных литературных направлений в последней четверти XVIII – начала XIX веков (к примеру, сентименталистско-предромантическое «ядро» в диалоге с поздним классицизмом, неоклассицизмом, со становящимся романтизмом и др.). Не менее важно взаимодействие различных литературных систем этой эпохи с ключевыми нравственно-философскими учениями, определяющими из которых выступают Просвещение и масонство. Наконец, весьма велико значение взаимодействия литературного процесса с детерминантой философской эстетики и в целом.

В аспекте становящейся в отечественной словесности поэтики Возвышенного следует сразу оговорить ярко выраженную диалектичность теоретического и литературно-художественного моментов. С одной стороны, применительно к периоду 1770-1810-х годов, речь может идти о разветвленной, но достаточно консервативной системе филологических трактатов и переводных статей (эссе М.Муравьева, Г.Державина, статьи Н.Карамзина, М.Баккаревича и т.п.). Художественная практика поэтов сентиментализма и предромантизма гораздо богаче передает поступательную эволюцию категории Возвышенного, осваиваемой отечественной мыслью (М.Муравьев и Е.Люценко, С.Бобров и Г.Каменев, Н.Львов и мн.др. из авторов порубежной эпохи конца XVIII – начала XIX столетий).

Научная новизна диссертации

Поэзия русского сентиментализма, тем более – предромантизма, во взаимодействии с детерминантной категорией Возвышенного *системно* в науке *не рассматривались: ни суверенно, ни во взаимодействии*.

Анализ поэтических систем сентиментализма и предромантизма в России в свете категории Возвышенного имеет и ряд существенных преимуществ:

- а) позволяет наглядно выявить философские идеи и концепции, лежащие в основе русской лирической поэзии конца XVIII – начала XIX веков и стимулирующие ее эволюцию;
- б) дает возможность полно представить в общей онтологии литературного процесса сентиментализм и предромантизм в русской поэзии и как самостоятельные и как взаимодействующие системы, в т.ч. – и на широком фоне историко-литературного и философско-эстетического контекста эпохи 1770-1810-х годов.

¹ Кочеткова Н.Д. Представления о возвышенном / Н.Д.Кочеткова // Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994. – С.105-122.

в) значительно дополняет уже имеющий место в науке жанрово-тематический аспект рассмотрения ключевых характеристик поэзии русского сентиментализма и предромантизма;

Научная новизна исследования состоит в том, что нами впервые:

1) изучены и представлены в системе общие закономерности процесса функционирования Возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма (с приоритетным акцентированием достижений и открытий в т.ч. и русской эстетической мысли в этом аспекте);

2) аналитически исследованы взаимодействие поэтики Возвышенного – с одной стороны, и жанровых систем, ведущих образно-тематических (мотивно-тематических) моделей сентименталистской и предромантистской поэзии - с другой;

3) рассмотрены ключевые закономерности переходности историко-литературного процесса России 1770-1810-х годов в аспектах:

а) взаимодействия художественных систем сентиментализма и предромантизма друг с другом,

б) взаимодействия означенных систем с литературным контекстом (классицизм, барокко – и неоклассицизм, ранний романтизм) и контекстом философско-идеологическим (Просветительство – и масонская идеология и некот.др.).

Предметом настоящего исследования являются поэтические системы сентиментализма и предромантизма в отечественной словесности 1770-1810-х годов, рассматриваемые во взаимодействии друг с другом и с детерминантной категорией Возвышенного, причем равно в аспектах: жанровом, мотивно-тематическом, аксиологическом.

Материалом при этом выступает творчество 112-ти поэтов означенного периода, причем и тех, кто определял магистральные тенденции литературного процесса, - и тех, кто по какой-либо причине оказывался в рядах так называемых «последователей», «подражателей» и др.

Постулируя параллельное бытие, постоянное взаимодействие и «переходы» сентиментализма и предромантизма в историко-литературном процессе России 1770-1810-х годов, мы далеки от стремления жестко отнести того или иного исследуемого автора однозначно – только к одному из двух означенных направлений. Речь идет о направленной доминанте в той или иной индивидуальной художественной поэтической системе, что изменяется в процессе творческой эволюции мировоззрения поэтов. Поэтому, к примеру, поэтическое наследие Карамзина, Муравьева, Капниста, Державина разных периодов и разных тенденций мы рассматриваем в контексте и сентиментализма и предромантизма.

Вместе с тем: художественное творчество ряда поэтов рубежа XVIII-XIX веков, в интересующем нас аспекте диалога сентиментализма и предромантизма в русской поэзии, не позволяет говорить об определенном доминировании тенденций одного из двух этих направлений (и детерминирующих их литературно-философских идеологий: Просветительства, масонства). Синкретичная картина дает основания говорить о «би-полярной» (сентименталистско-предромантической) поэтической модели (ср. в творчестве С.С.Боброва, Е.П.Люценко и некот.др). Всего в нашем исследовании вовлечено в поле анализа более десяти авторов такого типа литературно-художественной ориентации.

Система индивидуальной аргументации приоритетности исследования творчества определенного поэта дается нами непосредственно в конкретном анализе.

Цель и задачи исследования

Целью нашей работы является изучение творчества поэтов русского сентиментализма и предромантизма во взаимодействии глубинных потенциалов историко-литературного процесса России 1770-1810-х годов с детерминантной поэтикой Возвышенного.

Цель определяет *следующие задачи*:

1) исследовать эволюционирующие системы сентиментализма и предромантизма в отечественной поэзии конца XVIII – начала XIX столетий во взаимодействиях с развивающейся системой поэтики Возвышенного; выявить индивидуальные художественные варианты рецепции Возвышенного у поэтов означенных направлений;

2) определить типологическую и историко-литературную значимость открытий русских писателей рассматриваемого времени:

а) с точки зрения диалога различных литературных направлений в России означенного периода;

б) с позиций эволюции представлений о категории Возвышенного и связанных с нею изменений в литературном процессе.

Наконец, через взаимодействие систем сентименталистской и предромантической поэзии России с поэтикой Возвышенного и эволюционирующим историко-литературным контекстом мы стремимся проследить ключевые закономерности переходности в историко-литературном процессе этой эпохи. В историко-литературном процессе идет при этом движение от нового понимания мира в целом – через освоение новых систем тематических образов и моделей жанров – к индивидуальному мировосприятию и стилю конкретных писателей.

Методологический аппарат диссертации

При приоритетном факторе сочетания синхронного и диахронного подходов, определяющим методом нашего исследования выступает системный, уже в пределах которого реа-

лизуют свои потенциалы методы сравнительно-типологический и историко-функциональный.

Наглядно-иллюстративный материал представлен в диссертации в таблицах и сводных блок-схемах.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сентиментализм и предромантизм – два направления, ключевых для эволюционного процесса в русской поэзии 1770-1810-х годов. Специфика этих художественно-философских систем и особенно их взаимодействия (друг с другом и с историко-литературным контекстом) наиболее полно раскрывается в системе через детерминанту категории Возвышенного в литературно-философской мысли.

2. В ауре сентиментализма и предромантизма в отечественной поэзии конца XVIII – начала XIX веков диалектика Бесконечного (Беспредельного) и Конечного в Возвышенном (понятие Бесконечности – фундамент категории) оказывается взаимообусловлена с возникновением новых для русской поэзии тематических образов. Для сентименталистской системы актуальной становится проблема «Бесконечного в Конечном» - через симвообразы Тишины, «доброй Бесконечности», вариации хронотопа идиллии. В предромантизме идет достаточно явный перевес к «полюсу Бесконечности» - и, соответственно, к воплощающим его в т.ч. симвообразу Бездны и представлениям о Хаосе. Кроме того, в модели предромантического мировоззрения налицо стремление Конечного стать Бесконечным: через осмысление феноменологии Гения.

3. Во взаимодействии с детерминантной категорией Возвышенного идет переакцентировка и перестройка жанровой системы русской поэзии эпохи сентиментализма и предромантизма. В поэзии сентиментализма сердцевиной выступает *идиллия*. Только затем уже эта жанровая модель попадает в противодействующее ей «кольцо» *элегической* медитации и дидактики *оды* (реликтовое влияние). Поэтика предромантизма точкой отсчета избирает уже «*элегико-идиллическое*» целое, с заметным преобладанием первого элемента. Жанровая трансформация означенной системы идет либо через ретроспекцию *одического* задания, либо благодаря прогностическому подключению *балладной* символики.

4. Через взаимодействие сентименталистской и предромантической систем в русской поэзии конца XVIII – начала XIX веков с детерминирующей поэтикой Возвышенного проявляются и показательные тенденции переходности в динамике историко-литературного процесса:

а) на образно-тематическом уровне:

В поэзии сентиментализма архетипы обнаруживают переходность имплицитно (архетип Тишины в диалоге одических и идиллических традиций). Предромантическая поэзия вы-

ходит и на эксплицитный уровень – через диалектику в оппозиционной паре архетипических образов в т.ч. (архетипы Меланхолии и Смерти во взаимоотношениях и т.п.).

б) на жанровом уровне:

Прежде всего, в аспекте поэтики Возвышенного переходность проявляет себя через модели жанрового синтеза. Жанр в этом свете может оказаться и полем взаимодействия разных литературных / философских направлений, их перетекания (псалмодическая лирика синтезирует тенденции эволюционирующего литературного процесса: от эстетики барокко – до предромантической поэтики Гения).

в) на уровне нового понимания мира:

Переходность в диалоге систем сентиментализма и предромантизма в русской поэзии проявляется через взаимодействие определяющих архетипов (в т.ч. - Добродетели и Гения). Также решающая роль принадлежит здесь детерминирующей поэтике Возвышенного при проявлении переходности в диалоге этического и эстетического идеалов.

В поэзии русского сентиментализма Возвышенное балансирует на грани диалога этического и эстетического идеалов, при относительном преобладании первого в этой единой системе. Поэзия предромантическая «помещает» Возвышенное в лакуну, остающуюся после достаточно ощутимого расхождения этики и эстетики. Как полноценная *эстетическая* категория, Возвышенное именно благодаря этому тут и складывается.

Научно-практическая значимость работы

Картина наблюдений и выводов, предлагаемая в настоящем диссертационном исследовании, перспективна и может быть использована равно:

а) в историко-литературном аспекте:

- при прогностическом рассмотрении развития жанровой палитры русской поэзии конца XVIII – начала XIX столетий;
- в процессе изучения реликтов сентиментализма, предромантизма и романтизма в классической русской поэзии XIX и начала XX веков.

б) в научно-теоретическом плане:

- при дальнейшем развернутом исследовании модификаций категории Возвышенного в поэзии классического русского романтизма (в его эволюции от первых десятилетий XIX века – ко второй половине столетия);
- при предстоящем анализе эволюции философско-эстетической мысли России конца XVIII – начала XIX веков;

б) в научно-методическом плане:

- в общих курсах по истории русской литературы и культуры XVIII – первой половины XIX веков (от ВУЗовской системы до моделей школьного гуманитарного образования);

- в разного профиля возможных спецдисциплинах, посвященных отечественной словесности периода конца XVIII – начала XIX столетий. Разработан и успешно апробирован автором настоящего диссертационного исследования спецкурс для студентов, специализирующихся по кафедре русской литературы РО ДО филологического факультета КГУ – «Русская поэзия от рубежа XVIII-XIX веков к Пушкинской эре: Лица и жанры». Также подготовлено учебно-методическое пособие для магистрантов филологического факультета по спецдисциплине «Предромантизм в русской литературе...» (см.п.37 в прилагаемом перечне публикаций автора).

Апробация

Основные положения диссертации отражены в публикациях, апробированы автором в общеобразовательных курсах: «История русской литературы XVIII века» (отделения РО, ТПЛ и РКИ 2 курса филологического факультета КГУ) и «История русской литературы X – первой трети XIX века» (отделение РГФ филологического факультета), в спецкурсе «Русская поэзия от рубежа XVIII – XIX веков к Пушкинской эре: Лица и жанры», а также изложены в докладах на следующих научных конференциях:

- международных («Русская литература второй половины XVIII века: пути развития, жанры, поэтика» - Москва, 1997; «Русско-немецкий диалог в филологии...» – Казань, 1999; «Поэтическое перешагивание границ...» – Казань, 2002; «Проблемы изучения русской литературы XVIII века» – Самара, 2003; «Г.Р.Державин в новом тысячелетии»: конф. к 260-летию поэта и 200-летию КГУ – Казань, 2003; «Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы...» - Казань, 2004; Gastevortrag - лекция по приглашению в Институте славистики (Гиссен), в рамках студенческого спецсеминара – Гиссен, Германия (июль 2005 года); «Проблемы изучения русской литературы XVIII века» - Самара, 2005);

- всероссийских («Природа: материальное и духовное» – Санкт-Петербург, 2002; «Первые Ознобишинские чтения» – Инза, 2003);

- региональных («Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в ВУЗе и школе» - Ярославль, 2002);

- республиканских («Литературные чтения в усадьбе Боратынских»: Казань, 2002, 2003, 2004 и 2005 гг.; «Каменевские чтения» – Казань, 2002; «Литературные чтения к 220-летию В.А.Жуковского» – Казань, 2003; «Диалог поэтов в культурном пространстве Казани»: к 200-летию смерти Г.П.Каменева и 175-летию приезда А.С.Пушкина в Казань – Казань, 2003; научно-практическая конференция «Державинские чтения» – Лаишево, 2004);

- университетских (Итоговые конференции КГУ 2001, 2002, 2003, 2004 гг).

Структура и объем исследования

Основной текст диссертации изложен на 461 страницах и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы (527 научных наименований, в т.ч. в качестве текстового материала – 151 источник) и четырех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновываются выбор темы, ее актуальность и новизна, формулируются цель и задачи предпринятого исследования, характеризуются принципы построения работы. Здесь же приводится проблемный обзор основных трудов западных исследователей, посвященных изучению феномена Возвышенного за последние десятилетия. Также дается сводная картина и оценка сложившихся в мировой научной мысли концепций касательно сути явлений сентиментализма, предромантизма и диалектики их соотношения в литературном процессе. В заключение подробно оговариваются специфика методологического аппарата исследования и его методика.

Категория Возвышенного, детерминанта историко-литературного процесса России 1770-1810-х годов, является для нашего исследования своеобразным универсальным инструментом, позволяющим увидеть:

а) многопрофильное взаимодействие систем сентиментализма и предромантизма и друг с другом и с обширным историко-литературным контекстом в русской поэзии конца XVIII – начала XIX веков;

б) взаимообусловленность разных уровней поэзии (жанрового, мотивно-тематического – прежде всего) и детерминанты философско-эстетической мысли в этот период.

В соответствии с этими представлениями прологом к конкретному историко-литературному исследованию выступает в композиционном построении диссертации ПЕРВАЯ ГЛАВА – **«Категория Возвышенного: базовые ступени эволюции в мировой эстетике и философии до середины XIX столетия»**.

Глава состоит из двух разделов.

Первый из них (1.1.) – **«Европейские концепции Возвышенного: от истоков до середины XIX века (проблемный обзор)»**, - сфокусирован на системном обзоре основных проблемно-тематических трактовок в европейской литературно-эстетической мысли означенного периода (от риторико-стилистической проблемы так называемого «высокого слога» – до поэтико-философских идей о Божественном, Бесконечности, Абсолюте, Могуществе (подавлении) и некоторых других).

Поэтика Возвышенного как одной из детерминант мирового историко-литературного процесса во многом определяется диалектическим соотношением двух типологических вет-

вей этой категории – Ужасного Возвышенного и Возвышенного Прекрасного. Кроме того, в сложных взаимодействиях с другими категориями (Прекрасного, Трагического и др.) складывается постепенно характерно переходного характера представление о Возвышенном как Религиозном («Молитвенном»).

Ужасное Возвышенное, от поздней античности (Псевдо-Лонгин) к литературно-философской мысли эпохи барокко и Просвещения (Джерард, Бейли, Берк, Зульцер) и далее к немецкой пред-классической философии конца XVIII столетия (Кант, Шиллер), опирается по преимуществу на образы-архетипы Бесконечности, Величия, Подавления, Боли / Страха. В русских периодических изданиях уже с 1780-90-х годов, по замечанию В.Э.Вацура, благодаря устойчивой волне интереса к концепции Э.Берка, твердо усваиваются идеи о том, что «...ужасное и высокое равно проистекают из одного источника»¹. Понимание Ужасного Возвышенного поэтами русского сентиментализма и предромантизма во многом оказалось обусловлено преломившей основные его идеи призмой мироучения масонов.

Возвышенное Прекрасное, ориентированное на онтологические представления о Гармонии и неразъединимой связи человека с Божеством (исток – учения Платона и Плотина) готовило прежде всего, ко времени начала предромантического движения, идеи о поэте как «переводчике богов» / Гении (Дюбо, Батте). Нравственно-философская мысль Германии и Англии (ср.: Баумгартен, Зульцер – и Шефтсбери, Смит) приходит также в этой связи к представлениям об особом «моральном Возвышенном». Идеи о «возвышенной Красоте», помогающей «самовознесению (духа) человека», дают, уже к середине XIX века, классические тезисы Т.Жуффруа: «Чувство Возвышенного – типологическая разновидность чувства Прекрасного» - и Б.Левека: «Возвышенное есть очень большая красота, красота бесконечная»². Два последних суждения в интересующем нас аспекте эволюции русской поэзии конца XVIII – начала XIX веков представляют более чем наглядное «завершающее продолжение» ключевых идей авторов русского сентиментализма (прежде всего – в их представлениях о Природе).

Системный проблемный обзор основных концепций отечественной эстетико-литературной мысли осуществляется нами во втором разделе главы первой (1.2.) – **«Трансформация идей Возвышенного в русской философско-эстетической мысли к рубежу XVIII – XIX столетий»**. Обращает на себя внимание бесспорная, высокого уровня, осведомленность русских авторов в вопросах дискуссии о Возвышенном и о его взаимодействиях с литературным процессом.

¹ Вацура В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа» / В.Э.Вацура. – СПб: Наука, 1994. – С.54

² Саккетти Л. Эстетика в общедоступном изложении. / Л.Саккетти. – Петроград, 1917. – Т.2. – С.91.

На базе учения Плотина через классическую византийскую экзальтированную «эстетику небесного», на Руси в христианскую эру становятся известны идеи «возвышенной небесной красоты <и> духовного созерцания» (Григорий Нисский, Кирилл Туровский). Особым аспектом складывающейся самобытной отечественной «поэтики Возвышенного» оказывается «световая метафизика» (идеология «чюдного пламени» у игумена Даниила, XII век; концепция Фаворского Света, XIV век; учение старца Амвросия, XVI век). Позже в поэтике барокко это станет одной из основ теории о «храмовом синтезе искусств». В XVII столетии своеобразным русским предшественником Берка выступает И.Хворостинин с его идеями о «свете ужаса исполненном» и «сладости страха Божия» (трактат «О царствии небесном»).

В Новое время интенсифицируется рецепция русскими авторами философии европейской мысли. Яркими иллюстрациями могут служить идеи Лонгина – Буало в теории «лирического восторга» у М.В.Ломоносова и переводах А.П.Сумарокова; гипотеза И.Винкельмана о Возвышенном в искусстве, переосмысляемая Н.Львовым; «гердеризм» русских просветителей второй половины XVIII века; отражение идей Плотина, средневековых мистиков и философов германской «моральной школы» у русских масонов; кантовские параллели в творчестве Н.М.Карамзина; «берковская волна» в оригинальном поэтическом наследии Г.Р.Державина и Г.П.Каменева. Достаточно интенсивно переводятся и целю: Зюльцер, Дж. Аддисон, Берк (Бурк), Псевдо-Лонгин, Буало, Батте.

При очевидной доминанте дидактического и религиозного акцентов, русскую философскую эстетику отличает в целом безусловно приоритетное внимание к феномену Возвышенного Прекрасного (например, от идей о возвышенном «просветленном умилении» в эстетике византийского Православия - через представления о Слове-Логосе, «взошедшем на небеса», в «Грамматиках» XVI – начала XVIII веков - к культу «поэта творца» у Ф.Прокоповича и «обожествленного ума» у А.Кантемира).

Ужасное Возвышенное сохраняет к последней четверти XVIII столетия ограниченную власть, к примеру: в учении масонов о Вселенной Греха, в ряде философско-дидактических опытов Г.Р.Державина, А.Н.Радищева, С.С.Боброва, Г.П.Каменева и некоторых др. Вместе с тем, в теории масона И.Лопухина о «неизреченном радостном восторге» от красоты мира, в эстетических изысках Г.Теплова и С.Домашнева, в идее Н.Карамзина о поэзии как молитве, в оригинальной поэтической философии М.Н.Муравьева и Н.А.Львова безусловное лидерство остается за Возвышенным Прекрасным. В русской литературно-эстетической мысли начала XIX века (А.Мерзляков, П.Георгиевский, Т.Рогов) это получает логическое завершение, выступая своеобразным «закреплением в теории» достигнутого художественной практикой сентиментализма и предромантизма. Таковы идеи о «нежном сердце в высоких чувствовани-

ях» (Мерзляков), о Высоком как Идеальном (Георгиевский), О Высоком как Чудесном и Фантазии (Рогов).

В целом для художественных систем сентиментализма и предромантизма в России особенно значимы стали такие аспекты общей поэтики Возвышенного, как:

- дихотомия «Высокого в мыслях» и «Высокого в чувствах», в свете проблемы соотношения эмоционального и рационального в искусстве;

- идеи о «преобладании Великого и Прекрасного» и о Высоком, способном «нравиться» и «возбуждать приятность». Складываются новые представления об архетипе Гармонии и об «истинной Добродетели», способной раскрыть в человеке Божественное бесконечное (так называемое Возвышенное Религиозное здесь и актуализируется);

- на мотивно-образном уровне архетипов литературно-философской мысли: поэтика Света (в т.ч. через платиновско-лонгиновскую и барочную традиции); проблема Гения, с сопровождающими ее представлениями о «божественном самозабвении»; культ Воображения (на поэтическом языке также: Мечта, Фантазия), соотносящегося в диалектике с категорией Разума.

Вся эта исследованная нами система напрямую влияла и на целое художественного творчества в литературе, при неразъединимой взаимообусловленной связи теоретических воззрений поэтов русского сентиментализма и предромантизма и их художественной практики.

В центре нашего внимания во ВТОРОЙ ГЛАВЕ – **«Категория Возвышенного и жанрово-тематические модификации поэзии русского сентиментализма»** - и лирика авторов, в чьем творчестве определенного периода видна доминанта художественной системы сентиментализма (Н.Карамзин, М.Муравьев, И.Дмитриев, В.Капнист, Е.Люценко, Д.Дмитревский, П.Шаликов, А.Беницкий и некот.др.), и поэтическое наследие тех писателей, в произведениях которых приметы сентиментализма прослеживаются в более частных случаях (Вл.Измайлов, М.Магницкий, Ф.Ключарев, С.Бобров и ряд других).

Композиция второй главы обусловлена наличием в интересующем нас аспекте Возвышенного двух онтологических тем сентименталистской поэзии – Природы и Добродетели, обусловленных в т.ч. ключевой для эстетики сентиментализма проблемой калокагатии (единства Добра и Красоты). Пользуясь образно-философским определением известнейшего масона и писателя последней четверти XVIII столетия, М.М. Хераскова, - это как бы два «зеркала», внешнее и внутреннее соответственно, определяющие смысл Бытия человека среди мира, глазами авторов русского сентиментализма¹.

¹ Давыдов Г.А. Религиозно-философские поэмы М.М.Хераскова: Дисс. ... канд.филол.наук / Г.А.Давыдов; ИМЛИ РАН. – М., 1999

Скрепляет тематические полюса Природы и Добродетели лежащее изначально в основе системы сентиментализма, и сентименталистской поэзии – в частности, понятие «чувствительности». Уже теоретиками и художниками рубежа XVIII-XIX веков Чувствительность устойчиво осознавалась и как гносеологическая и как эстетическая категория. Через традиции европейского литературного движения она глубинно понимается при этом как «возбужденное внешним миром движение души к сострадательности» (согласно представлениям одного из теоретиков направления – А.Я.Галинковского).

Следует сразу же оговорить степень изученности поэзии русского сентиментализма 1770–1810-х годов с точки зрения категории Возвышенного. Отдельными ценными наблюдениями касательно параллелей с риторико-стилистическими теориями, мироучением масонов, темой «поэта и поэзии» (особенно – в свете традиций классицизма) современная научная мысль уже располагает (труды Н. Кочетковой, И.Фоменко, Р.Фигута, О.Гончаровой и ряд др.). Но при этом ни две обозначенные нами философско-тематические «зоны» в их целостной взаимосвязи, ни проблема возникновения тем и мотивов, предсказывающих предромантизм, ни, наконец, типологическая или жанровая вариативность категории Возвышенного в творчестве русских поэтов-сентименталистов объектом специального изучения пока не стали.

Философия Природы в поэзии сентиментализма исследуется нами в первом разделе второй главы (2.1.) – **«Отражение Возвышенного в понимании Природы поэтами сентиментализма и феноменология идиллического жанра»**. Совершенно очевидные глубокие преемственные связи обнаруживает здесь философско-эстетическая мысль русского сентиментализма равно с мировой и отечественной философией разных эпох (например, учение о Солнце в новоевангельской мифологии, эстетика световых нимбов в размышлениях древнерусских летописцев). Через возрождение известного постулата античной философии о калократии категория Возвышенного в понимании Природы поэтами сентиментализма оказывается тесно связанной с онтологическими категориями Прекрасного и Гармонии (позднее на этой почве и возникнет идея философа сентиментализма Шефтсбери о «величественной природе» как «наивысших красоте и Добре»).

В связи со всем этим чрезвычайно возрастает роль обширного контекста мировой философии и культуры. В подразделе 2.1.1. – *«Влияния на философию Природы в эстетике русского сентиментализма. Возвышенное, locus amoenus и феноменология идиллического жанра»* – мы очерчиваем в системном обзоре круг наиболее показательных концепций. Среди них – эстетика пейзажа и паркового искусства, натурфилософия, философия религии – и, во многом центральная, смежная с нею идеология масонства, наконец – европейская (прежде всего - германская) философская эстетика Нового времени (в последнем случае достаточно

значительно влияние идей И.-Г.Зульцера, ранней философии И.Канта). Все это взаимосвязано напрямую с категориально-тематической палитрой Возвышенного. К примеру, благодаря масонским концепциям (ср. труды И.Лопухина) «дискурс Возвышенного» (термин предложен Р.Фигутом) в поэзии русского сентиментализма реализуется в триаде «Природа – Истина – Бог». Феномен парка – через эстетику пейзажа в живописи – начинает осознаваться не только как квинтэссенция Красоты в Природе, но и как уникальная модель «вселенной в миниатюре», что уже напрямую связано с ключевым для поэтики Возвышенного понятием так называемой «доброй Бесконечности» (ср. теоретический манифест А.Иванова «Понятие о совершенном живописце» (1789)). Показателен и целый ряд более камерных моментов сентименталистской поэтики Возвышенного – в частности, культ Утра как «беспредельного озарения Вселенной» (словами известного германского философа Ф.Рунге).

Приоритетно в аспекте Возвышенного взаимодействие системы поэзии сентиментализма с общими закономерностями историко-литературного процесса. Во многом под влиянием античной анакреонтики и ее новоевропейских вариаций (французской, немецкой) поэзия русского сентиментализма приходит к феномену *locus amoenus* («идеального пейзажа») и связанного с ним идиллического комплекса. Идиллия начинает осознаваться, заключает современная исследовательница Н.Вершинина, как «высшая ступень в гимне обретенной Природе»¹. Мировоззренческая доминанта идиллии вместе с тем начинает подразумевать проникновение определенных тенденций элегического жанра (истоки – у поэтов «херасковского кружка», в т.ч. у С.Нартова, самого мэтра и некот.др.).

Завершает картину предваряющего обзора подраздел 2.1.2. – «*Возвышенное, «эстетика бесконечного» и топос Тишины*». Анализ проблематики публикаций журналов последней четверти XVIII века, равно как и философско-дидактических тенденций поэтики сентиментализма в целом (к примеру, от Хераскова к Карамзину), дает нам полное право утверждать, что знаковую для европейской философии XVIII и XIX столетия категорию Бесконечности художественная мысль русского сентиментализма «перекодирует» в символический топос Тишины. Архетип Тишины воспринимается в свете таких ключевых понятий, как: «мир» и «покой». Возникает представление о движении из «малого мира» (души) в беспредельность. В жанровой реальности поэзии русского сентиментализма наиболее емко эти моменты запечатлены в симбиозе новой анакреонтики и «легкой поэзии» (В. Капнист, А.Аргамаков, А. Волков) и в показательной синкретичной области сентименталистской гимнографии (от полупереводных и оригинальных опытов Д.Дмитревского – до позднейших экспериментов Г.Р.Державина). «Поэтика бесконечности» через топос Тишины:

¹ Вершинина Н.Л. «Идиллическая» концепция природы... / Н.Л.Вершинина // Тема природы в художественной литературе... – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарск.гос.ун-та, 1995. – С.22-24.

- связана с определяющей для категории Возвышенного тенденцией к бесконечному развитию и движению между Хаосом и Упорядоченностью (особенно – в трансформирующемся идиллическом жанре);

- в свете представлений о «беспредельных зрелищах» Природы, «приятных воображению», актуализирует энергетику типологической ветви Возвышенного Прекрасного;

- стимулирует характерное для этического уровня категории Возвышенного учение о так называемой «доброй Бесконечности» (связанной, помимо этого, с общефилософским понятием «покоя» в т.ч.).

Многое из обозначенного прослеживается еще у авторов раннего сентиментализма, в частности – в «гимнах» Д.Дмитревского.

В подразделе 2.1.3. – «Символообразы Возвышенного в поэзии русского сентиментализма», уже непосредственно в анализе системы лирической поэзии русского сентиментализма, нами рассматривается в означенном аспекте творчество более пятидесяти авторов, причем – не только ведущих (М.Муравьев, Н.Карамзин, И.Дмитриев, В.Капнист), но и так называемых «маргинальных» (таких, к примеру, как Д.Дмитревский, Е.Люценко, П.Шаликов, ряд корреспондентов-криптонимов в журналах последней четверти XVIII века). В некоторых моментах привлекается нами и творчество поэтов, лишь частью выходящих к поэтике сентиментализма (С.Бобров, Г.Каменев, А.Турчанинова, Г.Державин¹ и некоторые другие).

Основные тематические зоны нашего поиска – весенняя поэтика, аквапоэтика, дендросимволика (в случае с последней – отчасти также символические образы Солнца и птиц).

Во всех случаях обнаруживается активизация базовых для Возвышенного представлений о Бесконечности через сложную диалектику диалога этой категории с Прекрасным (««Элемент бесконечности», элемент «непредставимого» имеется не только в чувстве Возвышенного, но и в чувстве Прекрасного»²).

В поэзии русского сентиментализма во взаимодействии с поэтикой Возвышенного складывается в итоге следующая логическая цепь архетипов и символических образов:

а) *архетип Тишины* как исток и главный «преобразователь» камерной идиллической поэтики в свете поэтики Возвышенного («небесно-солнечная» и зеленая (земная) панорамы – в опытах М.Муравьева, В.Капниста, Е.Люценко: «Ода десятая. Весна» (1775) М.Муравьева, «Ода на счастье» (1792) В.Капниста, «Весна» (1798) Е.Люценко);

¹ Державин выходит к сентиментализму в т.ч. через анакреонтику: Гуковский Гр. Русская поэзия XVIII века / Гр.Гуковский. – Л.: Academia, 1927; Кочеткова Н.Д. Н.М.Карамзин и русская поэзия конца 80-х – первой половины 90-х годов века. / Н.Д.Кочеткова. – Л.: АН СССР, 1964.

² Лишаев С. Кант и «современность»: категория Возвышенного и постмодерн / С.Лишаев // Философия. – 1999. - № 3. – (сайт Самарской гуманитарной академии)

б) *весенняя (и утренняя) поэтика* как наиболее частотный случай конкретно-образного воплощения архетипа Тишины (помимо уже названных авторов, интересны религиозно-философские реликты в «гимнах» Н.Карамзина («Весеннее чувство», 1793) или А.Беницкого («Весна», 1805));

в) *аквапоэтика / символообразы реки и ручья* (Н.Карамзин: «Гимн» (1789); В.Капнист: «Ода на надежду» (1780); П.Шаликов: «Ручей» (1799); Ф.Львов: «К реке Талажне» (1791)). Поэтика Возвышенного здесь реализуется через превалирование временного плана в пространственно-временной дихотомии (символика человеческой судьбы, жизненного пути человека). Реликты Ужасного Возвышенного в общем доминирующем течении Возвышенного Прекрасного связаны либо с грузом дидактических традиций (жанровой ансамбль философской оды – в т.ч. ср. ранние опыты М.Муравьева, Н.Карамзина), либо с осложнением общей идиллической модели исторической тематикой, также не без влияния одической поэтики (в последнем случае показателен «диалог» таких стихотворений, как «Волга» (1793) Н.Карамзина и «К Волге» (1794) И.Дмитриева).

г) *дендросимволика*, где деревья выступают неким «посредником» между земным пространственно-временным измерением и миром Бесконечности / Вечности. Здесь идиллическое Возвышенное одновременно и «нагружено» дидактическими традициями (в т.ч. эстетика философской оды) и «взрывается изнутри» входящими мотивами предромантизма, частью также – раннего романтизма (например, философия «вдохновения мечты» или поэтика «священного ужаса»). Если для поэтов «первого ряда» (М.Муравьев, Н.Карамзин) характерно именно это русло осмысления дендросимволики (ср.: «Роща» (1777) М.Муравьева, «Гимн» (1789) Н.Карамзина), то у авторов «вторых ролей» (П.Шаликов, К.Шаликова и некот.др.) ощутимее переходы, через моральные сентенции, уже к следующему тематико-типологическому звену – Возвышенному Добродетели (ср. стихотворение П.Шаликова «К сосне» (1799)).

д) *представления о Бесконечности / Вечности – через символообраз Солнца и «ролевые» образы птиц* как камерное отражение поэтической философии в этом аспекте (яркие примеры – в творчестве М.Муравьева, Н.Карамзина, Е.Люценко, А.Бутырского, В.Дмитриева; параллель в художественных исканиях русской философской прозы – ср. у А.Болотова).

Предварительные заключения на образно-тематическом, жанровом и философско-аксиологическом уровнях даются в финальной части первого раздела – 2.1.4. «*Эстетика Возвышенного в понимании Природы поэзией сентиментализма: итоги общей картины*».

Возвышенному в представлениях о Добродетели у поэтов русского сентиментализма посвящен одноименный второй раздел главы второй.

От учения Платона о «внутренней добродетели, возвышающей к постижению мира» – к идеям Ф.Аквинского о «моральном знании Идеала» в поэзии – и к учению барокко (XVII век) о бессмертной добродетели и «апостольствующем Поэте», мировая культура получает основательный фундамент для расцвета философской мысли уже Нового времени в этом русле (подраздел 2.2.1. диссертационного исследования – *«Философия «возвышенной Добродетели» в мировой эстетике (проблемный обзор)»*). Германская пред-классическая философия (прежде всего – в лице Геллерта), дает значительный стимул к развитию масонских миропостроений (этой проблеме посвящена первая часть подраздела 2.2.2. – *«Возвышенное и архетип Добродетели в поэзии русского сентиментализма: Масонские параллели. Эволюция. Поэтика»*).

В творчестве российских масонов происходит показательное сведение в единый фокус самых различных традиций толкования Возвышенного: от идеи «возвращения внутрь сердца», которое «возвысит всю натуру» (З. Карнеев) – через пост-барочную символику Света и Тьмы (Ф. Ключарев) – к непосредственному соотношению Божественного Возвышенного с Возвышенным Смерти (С.Гамалея, А.Лабзин).

Добродетель в масонских изданиях («Вечера», «Вечерняя заря», «Утренний свет», «Магазин свободно-каменьщической») устойчиво мыслится как ведущий проводник «возвышения» человека к Божеству. Показательна и собственно литературная сторона проблемы: в жанровой палитре масонской поэзии (и смежной с нею) преобладают «гимны» («песнотворения»), философские оды, переложения псалмов, стансы (Ф.Ключарев «Песнь Всемогущему, 1782). Так или иначе, в масонской поэтике присутствуют такие определяющие тематические русла трактовки архетипа Возвышенной Добродетели, как: *Добродетель – путь к обретению Бога в себе* (через: безбрежную любовь, постижение «небесной Истины» и некоторые иные моменты); *Добродетель – святыня сердца и путь его «освящения», «возвышения»* (прозрачные параллели с поэтикой сентиментализма); *Добродетель как Гармония и Бессмертие* (в новом качестве это осмысливается в предромантическом культе Гения); *Бог как Высшая Добродетель* (центр эволюции типологической ветви Возвышенного Религиозного).

Все эти тенденции прозрачно обнаружимы и в «светских» вариациях интерпретации масонской модели поэзией русского сентиментализма 1770-1790-х годов («Молитва. Из соч.г.Попе»; «Добродетель» М.Хераскова; «К младенцу», «Песнь Божеству» и «Опытная Соломонова мудрость» Н.Карамзина; «Песнь Богу» Вл.Измайлова и «Поэзия» М.Магницкого; «К философу реки Услы» и т.п.).

В поэтических системах и ведущих писателей (Н.Карамзин, М.Муравьев, В.Капнист) и ряда авторов, так или иначе связанных с периодом постепенного заката сентиментализма в начале XIX века (Ф.Ленкевич, Вл.Озеров, И.Борн, В.Попугаев, И.Аристов и др.) культ Доб-

родетели с эстетикой Возвышенного связан через идиллическую топику (ср.: Н.Карамзин «К милости» (1792) или Ив.Борн «К друзьям моим» (1801-1802)). Одновременно культивирование Добродетели соотносится в этом своем новом качестве с такими философскими категориями, как Гармония и Покой. Уклон в сторону дидактического традиционализма дает значительную активизацию потенциалов Возвышенного Религиозного (в масонской поэтике – истоки проблемы, ср. модификации жанра поэтической молитвы у П.Икосова и некот.др.). В то же время осмысление Добродетели как «верховной Красоты» и «возвышенной Невинности» стимулирует через поэтику Возвышенного такую примету идеологии сентиментализма вообще, как знаменитый «культ Сердца» (истоки - у М.Муравьева, далее определенное завершение - в т.ч. у В.Озерова, И.Аристов). На стыке идеологии Добродетели с философией Природы возникает у поэтов-сентименталистов также весьма примечательная в аспекте Возвышенного идея о «добродетельной Природе» как «храме» (ср. классическую идиллию М.Муравьева «Роща» (1777)).

Вместе с тем, предсказывая соответственно «светлую» и «темную» стороны поэтики предромантизма, Возвышенное Добродетели связуется с Возвышенным Смерти (предромантические элегии и стансы, с влиянием картины масонства) и культом «возвышенной Дружбы» (подготовка потенциалов дружеского послания – последнее в т.ч. у поэтов «Вольного общества...»).

Исследованная нами картина поэзии русского сентиментализма в аспекте категории Возвышенного позволяет сделать следующие общетипологические выводы:

1. Стержневой в сентименталистском понимании Возвышенного становится вариация архетипической модели Бесконечности – так наз. «добрая Бесконечность»¹.

2. На уровне символообразов это базовое понятие воплощают Тишина и Добродетель (осмысление мира Природы и внутреннего мира человека, соответственно). Уже в поэзии раннего сентиментализма встречаются знаменательные сближения двух этих образов, когда Добродетель осознается, к примеру, как «душевна Тишина (душевный покой)». При всем этом архетип Добродетели более непосредственно связан с этическим идеалом и Возвышенным Религиозным (модель «божественной Бесконечности»).

3. При взаимодействии с детерминантной поэтикой Возвышенного в русском сентиментализме складывается новое понимание категории Времени. В Природе стихия Времени, по представлениям поэтов, побеждается архетипом «целительной Тишины», в учениях о Добродетели – перетекает в символообраз нейтральной Вечности, центром преодоления каковой остается только эмотивно окрашенное понятие «добродетельной души».

¹ Это обуславливает, на философско-аксиологическом уровне, неразъединимость эстетического и этического идеалов, близкую к их тождественности

4. Общетипологическая для категории Возвышенного диалектика Сущности и Явления в структуре сентименталистского Возвышенного стимулируется прежде всего существенными изменениями в жанровой картине поэзии русского сентиментализма. Во всех случаях основой становится общая философская закономерность – проникновение отдельными «векторами» беспредельной Сущности в ограниченное, локальное Явление. Средоточием последнего, бесспорно, выступает в художественной системе сентименталистской лирики поэтика идиллии. Гармония идиллического комплекса нарушается вторжением «хаоса» элегической медитации или реликтовым влиянием философских и дидактических мотивов Оды (диалог идиллии и элегии – во многом доминанта поэзии: М.Муравьева, Н.Карамзина, В.Капниста, П.Шаликова и ряда других). Однако, если в представлениях о Природе поэтическая эволюция трехчленна: от первоначальной идиллии – через нарушение – к ее восстановлению, то в модели осмысления Добродетели первая ступень оказывается «снята». В итоге Добродетель начинает осознаваться как длительный путь из «смятения и греха» (в т.ч. – влияние масонства) лишь к прогностическому обретению идиллии.

5. Соответственно, в осмыслении поэтами русского сентиментализма архетипов мира Природы безоговорочно доминирует типологическая ветвь Возвышенного Прекрасного, при этом сама категория Возвышенного в целом тесно контактирует с Прекрасным (в т.ч. – через понятие Гармонии). Отдельные «предсказывающие» поэтику Ужасного Возвышенного элементы проникают в поздний сентиментализм лишь в связи с мотивно-тематическим комплексом «нарушения Уединения» (ср. у авторов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»). В представлениях о Добродетели Ужасное Возвышенное более устойчиво, хотя и мыслится пока как непременно подлежащее «преодолению». В связи с возникающими на образно-тематическом уровне представлениями об «общности добродетельных людей», что, через дихотомию Социального и Природного, подготавливает уже диалог Возвышенного с Трагическим (на мотивно-тематическом уровне возникает связанная с идеологией масонства тема так называемой «смерти на добродетель»).

6. Становящееся рефлексийное начало (начало культивирования Меланхолии в т.ч. – ср. различные вариации у В.Капниста, С.Боброва) и так называемая «философия бесконечности» (через эвристическое расширение пределов идиллического жанра) оказываются показательным образцом зарождения переходной, во взаимодействии с предромантизмом, зоны поэтики Возвышенного.

Поэтика Возвышенного позволяет зримо увидеть и комплекс локальных художественных особенностей поэзии русского сентиментализма (показательными примерами могут служить: «Ода десятая. Весна» М.Муравьева (1757), «Ода на надежду» В.Капниста (1788), «Настало торжество природы» Д.Дмитревского (1792), «К сосне» П.Шаликова (1799), «Вес-

на» Е.Люценко (1798), «К Добродетели» Н.Карамзина (1802)). В то время как композиция стихотворений выстраивается еще нередко по реликтовой модели дидактического «кольца», характерной для классицистической оды, сердцевина каждого произведения оказывается уже сфокусированной на эстетике сентиментализма. Онтологическое понятие Чувства через лейтмотивы сострадания, любования, «религиозной горячности» (определение проф.Р.Фигута), выходит: к архетипам мира Природы (центральный - Тишина) и связанному с общефилософским понятием Бессмертия архетипу Добродетели. Образная система сосредоточена в т.ч. на аквапозитике, дендросимволике, становящихся символах небесных светил. Нередко сохраняет значимость принцип дидактического контраста (через представления о Добродетели, к примеру – реализуется противостояние онтологии Покоя и Страсти). Жанровая доминанта идиллии расширяется в диалектическом взаимодействии с реликтами дидактической оды и прогностическими ростками медитативной элегии. Более всего Возвышенное сосредотачивается на образно-тематическом уровне, отдельными фрагментами выходя на уровни жанровой поэтики и цветовой символики. Ритмико-интонационный фокус «стягивается», не без влияния дидактического задания, как правило – к финальным строфам.

Наконец, благодаря исследованию детерминанты Возвышенного на уровнях архетипическом и жанровом в поэзии русского сентиментализма, ясно можно увидеть зоны переходности и в диалоге сентименталистской лирики с поэтикой предромантизма: топос Уединения; элегическое начало в жанровых моделях (диалог идиллии и анакреонтической лирики); архетип Меланхолии; культ «возвышенной Смерти» (через архетип Добродетели – возникает в итоге тема «добродетельной Смерти»); архетип Добродетели во взаимодействиях с новоосмысляемым в предромантизме архетипом Гения (новый симвообраз – так наз. «добродетельный Гений»).

Анализ художественной системы поэзии русского предромантизма в свете детерминанты Возвышенного в историко-литературном процессе России на переходе XVIII-XIX веков – смысловой и композиционный центр ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ: **«Жанрово-тематические модификации поэзии русского предромантизма в свете категории Возвышенного»**. Исследуемым материалом служат поэтические концепции М.Муравьева, Н.Львова, В.Капниста, Г.Державина, А.Востокова и А.Мерзлякова, Г.Каменева и Андрея Тургенева; Н.Карамзина; А.Радищева; А.Турчаниновой и А.Бунинной; А.Якубовича; А.Беницкого, А.Мещевского, И.Пнина и ряда других поэтов. Принцип диалектического соотношения авторов предромантистской доминанты творчества и писателей полиполярной литературно-художественной ориентации (в т.ч. – «маргинальных» тенденций) сохраняется здесь, как и во второй главе.

Предромантизм (от ит. preromantismo; вариации термина: преромантизм (западная наука от П.ван Тигема), доромантизм (акад. А.Веселовский)) – цельное литературное

направление переходного характера. Вступая в сложный полилог с окружающим разновременным литературно-философским контекстом (барокко, сентиментализм, неоклассицизм, ранний романтизм...), предромантизм тем не менее не теряет своей суверенности. Кардинально, по целому ряду сущностных моментов, это явление расходится с романтизмом:

а) в предромантизме достаточно значителен еще «груз» дидактических традиций поэзии XVIII столетия: к примеру, показательна идеология так называемой «высокой Добродетели Гения»;

б) появляется знаковая оппозиция Мечты / Реальности, но не складывается еще в четкую противопоставленность полюсов романтического Двоемирия «Там - Здесь»;

в) не подвергаются сомнению позитивные этические потенциалы, в т.ч. ясно видимые через доминирование понимания Возвышенного как Прекрасного, что и в целом обусловлено оптимистичностью философии предромантизма. Ужасное Возвышенное, хотя в сравнении с ситуацией в сентиментализме и завоевывает более прочные позиции, не оборачивается еще в равновеликую, а тем более - доминирующую силу, как в классическом трагедийном романтизме.

Центром системы становится понятие «личностной рефлексии» (на языке философской лирики – Меланхолии). Это как бы - промежуточное звено между «чувствительностью» сентиментализма и «психологизмом» романтизма.

Специфика предромантизма в аспекте его взаимодействия с детерминантной категорией Возвышенного теснейшим образом связана с такими составляющими поэтики (и обуславливается ими), как:

- «ночная поэтика» как «кладбищенская»: знак бренности, преходящести – и символ человеческого Бессмертия, стремления в Бесконечность и приобщения к Богу;
- оптимистический гуманистический пафос (в том числе через темы Гения и Мечты), в противостоянии мотивам раздвоенности, катастрофичности и трагизма;
- мифологизм, в том числе – как мировоззрение, намечающее путь из ограниченного человеческого Бытия к новому постижению «объективно-чувственного» мира Природы;
- «готическая школа» и оссианизм в новоевропейской литературной традиции как воплощение предромантической рефлексии, выходящей и к романтическому культу «мировой скорби»;
- в смежном русле – философия смерти и Бессмертия в юнгианстве.

Зонами предромантической поэзии России, наиболее важными для исследования взаимодействий с детерминантной категорией Возвышенного, представляются:

а) тема Меланхолии – как яркий образец созерцательной стороны философии предромантизма и в то же время: показатель взаимодействия предромантизма с сентиментализмом и романтизмом (в эволюции «эстетики чувствительного»);

б) культ Гения как характернейший пример энергетически действенного, преобразующего личностного начала в предромантизме. Истоки предромантического символа Гения прослеживаются в т.ч. в масонско-сентименталистских представлениях о так называемом «добродетельном творце» (раздел 2.2. диссертационного исследования).

Логика выделения разделов в настоящей главе и обусловлена этими, ключевыми в свете поэтики Возвышенного, мировоззренческими проблемами предромантизма как направления.

Феномен Меланхолии в русской предромантической поэзии исследуется нами во взаимодействии с детерминантой Возвышенного в разделе 3.1. *«Эволюция поэзии русского предромантизма: Возвышенное от архетипа Меланхолии к архетипу Смерти»*.

Через намеченное сентименталистами новое прочтение жанра элегии («меланхолия» как «сладостное уныние»), при параллельном влиянии европейского юнгианства, именно в предромантизме прокладывается – в т.ч. и для России – путь к созданию единой «меланхолической школы»¹ (от Н.Карамзина, И.Дмитриева – к А.Турчаниновой и В.Жуковскому).

Меланхолия как философско-психологическая категория изначально предрасположена к двойственности, глубоко связываясь со сложнейшими законами внутренней психологии человека (движение от притягивания к бездне, отрицающей самый разум, – до одного из глубинных стимулов духовного рефлектирующего взлета). Двойственность природы Меланхолии позволяет этому архетипу вступить во взаимодействие с такой стержневой категорией литературно-эстетической мысли Нового времени, как Возвышенное (в т.ч. первоначально – через понятие «энтузиазма»). «Чувство высокого принадлежит к важным расположениям души и для того более примыкает к мрачным, меланхолическим...» - еще в начале XIX столетия акцентировал в России Л.Г.Якоб². Именно меланхолия «...была в предромантизме одним из наиболее показательных проявлений «боли бытия» [...], способствуя зарождению новой концепции человеческой индивидуальности, уникальности»¹ (значимый выход к культу Гения в предромантизме!).

В целом эволюция поэтики Меланхолии связана с тем, что эта философско-психологическая категория, в лоне сентиментализма - не без влияния философии уединения и Тишины, со временем перерастает пределы камерной «приятности грусти», выходя в кри-

¹ Термин используется в т.ч. и в диссертационном исследовании И.Ю.Виницкого: Виницкий И.Ю. Русская «меланхолическая школа» конца XVIII – начала XIX веков и В.А.Жуковский: Дисс. ... канд.филол.наук / И.Ю.Виницкий; Моск.гос.пед.ун-т. – М., 1995

² Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. – М.: Искусство, 1974. – Т.1

зисное рубежье XVIII – XIX веков к определяющей европейский процесс поэтике «мировой скорби».

Вся вышеочерченная картина сфокусирована нами в прологовом подразделе 3.1.1. *«Меланхолия в предромантической поэтике: общие замечания»*.

Второй подраздел первой части третьей главы – 3.1.2. *«Возвышенное Меланхолии на путях от сентиментализма к предромантизму. Поэтика Вечера. Влияние жанровой модели идиллии»* – сосредоточен на смежных, в движении от сентиментализма к предромантизму, вариациях поэтики Меланхолии у поэтов 1770-1810-х годов. Главное внимание уделяется здесь анализу символического топоса Вечера и, частью в этом свете, рассмотрению влияния жанра идиллии.

От философско-лирических миниатюр И.Хемницера – к ряду пейзажных «вечерних» элегий у поэтов 1790-х годов (П.Шаликов, А.Лопухин, П.Андреев, криптоним «Д.С.» и некот.др.) – и к известному манифесту Н.Карамзина («Меланхолия», 1800) культ Меланхолии все более «сплавляется» с поэтикой Возвышенного. Примечательно, что от близких сентиментализму: топоса «тихого (сладостного) Вечера», архетипа Тишины и символаобраза Покоя – через символику светил (закат солнца, мерцание месяца) – намечается выход и к рефлексивно-трагедийной дисгармоничности (пред)романтического мироощущения (Д.С. «Тихий вечер» (1792), П.Андреев «Вечернее размышление» (1798)). Яркие иллюстрации всех отмеченных моментов в подобной переходной модели – элегии «Ночь»: у М.Н.Муравьева (1776,1785) и И.И.Дмитриева (1796).

Постепенное устойчивое внедрение характерных мотивов «ночного» топоса ведет к появлению цельной предромантической поэтики, проводниками которой выступают в т.ч.: темы Сна, Мечты, Забвения, символаобраз Месяца (например, в одноименном стихотворении Е.Смагина, 1803).

Меланхолию как мировоззрение, возникающую на пересечении этих тенденций, можно обозначить как *Меланхолию идиллической модели с культом Мечты*.

Смысловым организующим центром модели «идиллической» Меланхолии в поэзии предромантизма остается архетип Тишины. Однако, он все очевидней освобождается от прежнего «задания» воплощать символику «доброй Бесконечности», переходя, в частности, на уровне образов-символов в такие новые вариации, как: «Безмолвие» и даже «Сон мертвый» (в т.ч. ср. у В.Попугаева – «К луне», 1803). На уровне хронотопа в стихотворениях закономерно прослеживается переход от «вечерней» к «ночной» символике, что на уровне светосимволики активизирует ролевые образы ночных светил, передающие поэтике так называемой «небесной возвышенности» (Луна, месяц, звезды, ночные зарницы – ср. картину свето-

¹ Suchanek L. Preromantyzm w Rossji / L.Suchanek. – Krakow, 1990

символики на пространстве от элегических стихотворений И.Дмитриева и В.Капниста – к опытам А.Мерзлякова, Ив.Борна и др.). При нарастающем влиянии рефлексийного начала (жанровый аспект – доминанта медитативной философской элегии), в связи со становящимся представлением о Дисгармонии, на первый план начинает выдвигаться также символообраз Бездны, в свою очередь выходящий на представления о Хаосе (на периферии – ср. показательно: «Ночь» (1798) А.Якубовича, «Меланхолия» (1799) П.Лазунова). В связи с последним моментом, резко меняется коннотативная окраска при осмыслении стихии Времени, намечается тяготение к складывающейся поэтике Смерти. Соответственно, на уровне диалога Возвышенного с другими эстетическими категориями, значительно увеличивается доля взаимодействий с Трагическим.

Начало расхождения, на уровне концепции идеала, этики и эстетики наглядно видно в том случае, когда в модели Меланхолии акцент перемещается в предромантических опытах поэтов на трагедийность рефлексии. Возникающая картина во многом оказывается связанной с традициями мировой «кладбищенской поэзии» (в ближайшем контексте: Грей, Коллинз, Шпис, особо – Юнг). Рецепция Юнга русскими авторами 1790-х годов напрямую связывается с поэтикой Возвышенного (сквозные темы: культ Ночи и так называемой «мрачной бесконечности», апокалиптический кризис Бытия, гибель человечества как Возвышенное). С проблемного обзора этой грани феномена Меланхолии в русской предромантической поэзии начинается подраздел 3.1.3. – *«Возвышенное Меланхолии и феномен «кладбищенской поэзии»»*. Новое понимание Меланхолии в этом аспекте прозрачно видно в ряде элегико-одических опытов В. Капниста 1780-1810-х годов (от «Оды на надежду», 1780 – до послания «К несчастному», 1819). Хотя характерный предромантический мотив Мечты уже отчасти «затушевывается» поэтикой Смерти, до конца «эстетика скорбного» еще не складывается. Показателями этого выступают прежде всего преобразенная через Меланхолию поэтика Ночи и свето-лунная символика.

Пограничное положение между моделью «кладбищенской меланхолии» и «поэтикой Смерти» в русской предромантической поэзии занимает символообраз Вечности, напрямую обуславливающий новое понимание Возвышенного (ср. эволюцию: от опытов С.Боброва¹ – до одических элегий Андр.Тургенева, А.Востокова, в т.ч. у последнего: «Песнь Луне», 1799).

К началу XIX столетия поэтику «кладбищенской Меланхолии» наиболее самобытно воплощает в своем творчестве ряд поэтов круга «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (Г.Каменев, И.Пнин, А.Беницкий – ср.: «К П.С.Л.Р.» (1796) Каменева или

¹ К предромантической поэтике Катастрофы Бобров идет от масонства: Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII в. / Н.И.Николаев. – Архангельск: Изд-во Помор.гос.ун-та, 1997

«Гробница друга» (1803) Беницкого). Прежде всего – через диалог тем Смерти и Вечности¹, значительно активизируется заложенный в общей онтологии Возвышенного потенциал «эстетики Ужасного».

Модель «кладбищенской Меланхолии» – своеобразный посредник переходного характера между моделью «идиллической» Меланхолии и зарождающимся культом Смерти. На уровне символаобразов соответственно выдвигается на первые позиции образ Вечности, благодаря потенциалам Возвышенного Религиозного восстанавливающий поэтику так называемой «божественной Бесконечности». Попадая в энергетическое поле между символами «Бесконечности» и собственно «Бездны» (сердцевина поэтики Ужасного Возвышенного), тема Смерти выходит к феномену катарсиса, заключенному в категории Трагического. На образно-тематическом уровне русской предромантической поэзии архетип Меланхолии нередко преобразуется уже в иной – Скорби. Реликтовые влияния поэтики Возвышенного Прекрасного фокусируются в мотивном комплексе «возвышающей надежды».

Взаимодействию в русской предромантической поэзии Возвышенного и онтологической темы Смерти посвящен подраздел 3.1.4. – *«Возвышенное в предромантической поэтике и тема Смерти. Некоторые аспекты эволюции жанра элегии»*. Истоки проблемы прослеживаются еще в известных позднему дидактическому классицизму «элегиях на смерть» (переходный вариант типологии, помимо классических образцов в лирике Г.Державина, воплощают, к прим., «Шарлота при гробе Вертера» (1787) Д.Баранова и «Стансы на смерть [...] Серры Каприолы» (1787) П.Карабанова). Ведущими в художественном решении проблемы Смерти для авторов предромантической ориентации оказываются: темы Всемогущества власти Смерти и катаклизмов Бытия, мотивно-тематический комплекс «Смерти и /как Сна» и поэтика Огня и Света (показателен «диалог» ряда произведений Г.Каменева и С.Боброва). Важнейший аспект поэтики Возвышенного – осмысление Смерти как «проводника» из конечного земного Бытия в бесконечный мир Вечности (от «Элегии на смерть П.Д.Перкова» (1770) М.Н. Муравьева – до «Кладбища» (1796) Г.П.Каменева). На жанровом уровне здесь идет движение от реликтового влияния философской оды (в т.ч. – см. у С.Боброва: «Торжественное вдохновение ночи» (1787) или Е.Люценко: «Взор на будущее» (1796)) – до становления «балладного комплекса» (от А.Турчаниновой: «Ода. Достоинства смерти» (1798) – к А.Мещевскому: «Сетование» (1815), «Романс Аполония» (1818)). Цельно запечатлен процесс и в эволюции внутри одного, ведущего для предромантической и романтической ауры жанра – элегии (В.Капнист, Андрей Тургенев, А.Мещевский, А.Беницкий и некот. др.; истоки – ср.: «Ода на смерть Плениры» (1795) В.Капниста). Помимо уже отмеченного, здесь сходятся

¹ На уровне поэтики Тишины идет движение от мотивно-тематического комплекса «Сна Природы» – к сквозным онтологическим элегическим темам Одиночества и Смерти.

такие две новые, прогностически значимые для предромантического Возвышенного темы, как: тема жизни-Зла и мотив «бури как бунта» (вариация романтизма – призывание Смерти¹ (гибели)).

На уровне тематических образов в стихотворениях доминирующим становится понятие Хаоса. При этом возможность достижения «доброй Бесконечности» фактически отрицается, а главный акцент переносится на сквозной символообраз Сна (Смерть как Сон в т.ч.), который (Сон) мыслится здесь как своеобразная кризисная «меж-бесконечность». Поэтика Тишины трансформируется в поэтику Бездны, проходя на уровне светосимволики Огня к мотиву «бури-смятения». Жанровая палитра в аспекте поэтологии Возвышенного представляет интересный сплав доминирующего элегического задания с реликтами философской оды. Элегия, преобразуя общий для предромантизма «меланхолический комплекс» в «эстетику скорби», выступает при этом воплощением как бы первой ступени процесса – преодоления (разрыва) конечности земного Бытия. Одическая же поэтика возвращает общее «здание» вновь к понятию Бесконечности. Однако, в связи с начавшимся расхождением этического и эстетического идеалов, это, чаще всего, уже – «злая Бесконечность» (ср. фокусируемую русской эстетикой начала XIX века проблему «возвышенного Зла»). Опосредованное влияние архетипа Гармонии при всем этом может вести предромантиков к пониманию Смерти как «целительной спасительницы».

Взаимодействию Возвышенного и балладной поэтики на уровне архетипов в русском предромантизме посвящен подраздел 3.1.5. – «*Возвышенное, символообразы Катастрофы и балладная поэтика*»).

Анализ проблемы в диалоге поэзии «второго плана» (в журналах 1790-1800-х г.г.²), масонской философской лирики³, поэтических опытов, исходящих из реликтов раннего дидактического сентиментализма⁴ и поэтических моделей, близких кризисной поэтике романтизма⁵, привел нас к следующим выводам.

В русской предромантической поэзии архетип Катастрофы через взаимодействие с Возвышенным локализуется в символообразах Грозы и Бури (ср. в «Друге юношества» за 1811 год эссе «О бурях и грозах», с разбором философских поэм и од С.С.Боброва в этом аспекте). Ряд сквозных образов второго плана: бездна; бесконечность («бесконечность кризисного времени и пространства» и «конечность (преходящесть, тленность) человеческого Бытия»); безмолвие и его антиподы: гром, рев (водной, воздушной и огневой стихии). Определяется

¹ В раннеромантической лирике А.Буниной тема целительной Смерти найдет во многом свое завершение

² у А.Якубовича, Г.Глинки, криптонима А.М., М.Магницкого; далее – ранние: А.Воейков, А.Мерзляков

³ Частью – С.Бобров; авторы ведущих масонских изданий; из поэтов-«радищевцев»: Н.Арцыбашев и др.

⁴ Это прослеживается у М.Муравьева, И.Дмитриева и В.Капниста, в начале XIX в. – у В.Красовского

⁵ Прежде всего – в лирическом наследии А.Турчаниной и А.Буниной, позже – у А.Мещевского, отдельными фрагментами – у позднего Г.Державина

новая доминанта в самом Возвышенном – «поэтика Страха», значительно усиливая поэтику: и Хаоса и преодоления его в поисках новой Гармонии (в т.ч. хронотоп Сна в переплетении с культом Смерти).

В системной панораме все эти моменты, равно как и отображение поэтики Возвышенного Меланхолии, мы прослеживаем также на ряде показательных оссианических мотивов в русской предромантической поэзии (подраздел 3.1.6. «*Возвышенное в оссианической поэзии русского предромантизма (проблемный обзор)*»)¹.

В целом взаимосвязь феноменов Меланхолии и Смерти в поэзии русского предромантизма отображается в общей типологии предромантического Возвышенного как следующее движение:

- от Возвышенного Прекрасного (*Меланхолия идиллической модели*) - через дидактику Религиозного Возвышенного (в т.ч. жанровые реликты классицизма и приметы масонского учения о Добродетели) - к Ужасному Возвышенному (темы разочарования и рефлексии в «кладбищенской поэтике» и символообразы катастроф);

- и далее: к феноменальному «сплаву» вновеосмысляемого Возвышенного Прекрасного с Трагическим (представление о Смерти как «целительнице» и «проводнике в бессмертие», мотивно-тематический комплекс Сна / Мечты, зона влияния «меланхолической героики» оссианизма).

Личностный аспект художественной философии предромантизма связан с проблемой Гения, анализу которой в аспекте поэтики Возвышенного посвящен второй раздел главы третьей (3.2.) – «*Возвышенное и проблема Гения в русской предромантической поэзии*».

От античных представлений о некоем «демоническом духе, «приставленном» к человеку, через учение Платона о «божественном вдохновении» поэтов, к Новому времени концепция гениальности все более глубоко входит в мировую литературу и взаимодействует с ней. Ко времени предромантизма особое влияние в мировой культуре приобретает созданный в середине XVIII столетия трактат Э.Юнга «Размышление относительно оригинального творчества» (1759). Отдельные подвижки к высказанным здесь идеям можно увидеть и шире - в контексте философской эстетики XVII - XVIII веков (Буало, Шефтсбери, Баумгартен, Берк, Батте, Кант, Дюбо). В целом важно то, что путь к новому решению проблемы Возвышенного прокладывает философии Гения еще в культе предромантической Меланхолии обозначив-

¹ Ограничение круга поиска по «оссианической» тема в аспекте категории Возвышенного обусловлено, во-первых, достаточной изученностью типологии этого явления (от концепций П. Ван. Тигема – С.Монка до современных гипотез: Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе... / Ю.Д.Левин. – Л.: Наука, 1980; Орлицкий Ю.Б. Русский Оссиан в костюмах разных веков... / Ю.Б.Орлицкий // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Самара: «НТЦ», 2003. – С.163-179) и, во-вторых, тем, что на русской почве поэтика оссианизма зачастую тяготела к (нео)классицистической поэтике

шаяся рефлексийность, вкупе с характерной оптимистической стороной мировоззрения предромантизма.

Не менее показательна и тенденция, наметившаяся в русской литературно-эстетической мысли к началу XIX столетия. Феномен Гения устойчиво начинает соотноситься с традициями осмысления архетипического образа «возвышенной Добродетели», с идеями о «начале величия нравственного» (П.Новиков) и «высокой цели - совершенства» (рецепция идей Шиллера в «Вестнике Европы», 1805). Для русских поэтов в этом свете первостепенное значение приобретает культ Ломоносова. Все очерченное здесь обобщается нами в первом подразделе: 3.2.1. *«Проблема Гения в мировой эстетике (обзор)»*.

Становлению оригинальной отечественной философии Гения в Новое время посвящен подраздел 3.2.2. *«Истоки предромантической концепции Гения: от барокко к феномену Ломоносова»*. Двумя ключевыми проблемами, которые рассматриваются здесь, выступают: рецепция Ломоносова поэтами-предромантиками и влияние псалмодической лирики на систему становящейся русской философской поэзии. Во многом именно благодаря осмыслению ломоносовского феномена русская философская и художественная мысль переходит от представлений о Гении как «преобразователе государственной и нравственной жизни общества» (дидактическое наследие классицизма) к более глубокому осмыслению его как «впечатленного творческого духа», выходящего на символический образ Пути (в Славу и Бессмертие; сплавляются реликты влияний барочной эстетики и гомеровского культа): в поэзии – от М.Хераскова к М.Муравьеву, В.Капнисту и А.Мерзлякову; в литературной критике – М.Баккаревич (критик первым подробно вводит понятие «Жени» (= гений)).

На уровне типологии Возвышенного, преодоление оппозиции Ужасного Возвышенного и Возвышенного Прекрасного в пользу второго окончательно разрешается не без влияния псалмодических традиций¹ в лирике русского предромантизма (ср. духовные оды В.Капниста, поздние гимнографические опыты Г.Державина; частью – ряд мистериальных од С.Боброва; отдельные мотивы - у поэтов «радищевцев»: у В.Попугаева, Н.Арцыбашева). В этой сфере концептуально складываются такие важные для поэтики Возвышенного идеи, как оппозиция «боговдохновенного поэта» и Творца («быть божеством дабы уведать божество», по С.Боброву), идея целительного Бессмертия как преодоления конечности суетного земного Бытия (оратории Державина, оригинальная псалмодическая лирика Капниста и некот.др). Знаковую роль играет и светосимволика (к примеру, в опытах Попугаева идет символическое соотношение души человека с «лучом лиющего света», призванного «покорить бездну»; ср. также «Бог» (1803) Н.Арцыбашева).

¹ О древних псалмах как образчике «высокости» писал еще И.Гердер, разрабатывая в т.ч. концепцию предромантического фольклоризма

В центре внимания третьего подраздела (3.2.3) – влияние поэтики сентиментализма на философию Гения в аспекте Возвышенного (*«Возвышенное в истоках предромантической теории Гения: Влияние поэтики сентиментализма. Философия Гения в поэзии М.Н.Муравьева»*). В типологическом движении от поэтической системы Н.Карамзина к лирическим новациям М.Муравьева¹ определяющими становятся оппозиции «естественного Гения» и пагубной искусственности цивилизации (в т.ч. влияние руссоизма), Свободы Вдохновения и нравственного Регламента (интересный синтез с поэтикой Возвышенного Религиозного). В воззрениях Карамзина значительный акцент делается также на «торжестве чувствительного характера Гения»² («Поэзия» (1787), «Дарования» (1796), «Протей, или Несогласие стихотворца» (1798)). Позже целый ряд моментов, предложенных в модели Карамзина, получит новое воплощение у В.Капниста («Различность дарований», 1818), П.Шаликова («К В.Л.Пушкину», 1812) и некоторых других. Муравьев в своей лирической системе идет дальше, связывая культ Гения с темой Мечты («Прискорбие стихотворца» (1776), «К И.Ф.Богдановичу» (1782)), с мыслью о равнозначимости «вдохновенного» Ума и Сердца («Послание о легком стихотворении» (1783)), с возрожденным пафосом «лирического восторга» (через выходы, в стихотворениях и эссеистике, на ломоносовскую тему).

Через сохраняющую значимость сентименталистской поэтики - культ Сердца прежде всего - феноменология Гения позволяет увидеть новое воплощение интереснейшей для Возвышенного тенденции: Конечное стремится стать Бесконечным (на языке поэтики Карамзина: «сердце» ведет в «храм бессмертия»). Постулируется предельная близость Возвышенного и Прекрасного в Гении (в т.ч. – через идиллическую «поэтику Невинности (души)»). Благодаря этому утверждается в правах символообраз «доброй Вечности». Культ «природной естественности», проецируясь на феномен Гения, приводит к его осмыслению как «посредника» меж двумя бесконечностями: Природой – и «небесным Бытием» (Бог). Взаимообусловлена с феноменом вновь наметившегося схождения этического и эстетического идеалов возникающая проблема так называемого «добродетельного Гения».

Четвертый подраздел второй части третьей главы – 3.2.4. *«Возвышенное в понимании архетипического образа Гения поэтами-предромантиками. Модификации жанра оды на переходе веков»* - обращен уже непосредственно к поэтике Возвышенного в понимании Гения поэтами русского предромантизма. Здесь обнаруживаются две тенденции. С одной стороны, в связи с начинающимся осознанием не-гармоничности Бытия (иногда: его катастрофичности), возникает представление о Гении как «Гении испытаний» (А.Мерзляков – «Слава»,

¹ Муравьев выходит к предромантической поэтике несколькими годами раньше, чем Карамзин начинает «цементировать» классические сентименталистские постулаты в своей системе.

² Короставцев Л. О высоком и простосердечном / Л.Короставцев // Сочинения и переводы студентов Императ.Харьковск.ун-та... – Харьков, 1822. – С.70-125

1799-1801). От ранних опытов А.Н.Радищева 1770-1780-х годов (ср. «Творение мира», 1779-1782) к стихотворениям Н.А.Львова 1790-1800-х годов («На угольный пожар», 1799, «Три нет», 1801) складываются такие мотивно-тематические русла концепции Гения, как тема «полета к Вечности», мотив своеобразной «полемики» с Богом, осмысление Любви как «вечности венца». Параллельно идет активная рецепция идеологии европейского предромантического движения, в т.ч. – Германии (Клопшток, Шиллер и некот. др. в творчестве Н.Карамзина, А.Востокова, А. Беницкого, несколько позже – Андрея Тургенева). Гений во всех картинах осознается так или иначе как «пренебесного сияния поток» (по А.Востокову, «Откровение музыки» (1804)), который «рассеял тьму». В отталкивании от поэтики «бездны»¹, «тьмы» (в онтологии человеческого Бытия - Смерть²), архетип Гения связуется при этом с символами стихий Свободы и Пламени³. Гений осознается поэтами как обретающий «язык богов», более того – он может сам быть обожествлен⁴, его сверхзадача – восстановить Гармонию Мира⁵.

Реализации этой задачи служит в представлениях поэтов-предромантиков символический феномен Музыки. Исследование его взаимодействия с архетипом Гения в творчестве Н.Львова, М.Муравьева, Н.Карамзина, А.Мерзлякова (Н.Львов – «Музыка, или Семитония», 1796; А.Мерзляков – «Вечер», 1797) позволяет заключить, что окончательно «узаконенной» оказывается в итоге и тема поэтического Бессмертия. Здесь, что приоритетно важно, делается шаг к новому, дуалистическому осмыслению феномена Гармонии: амбивалентность поэтики Возвышенного обуславливает в т.ч. представления о Музыке как «всеусладителе в согласии раздоре» (А.Мерзляков).

В финале подраздела в свете осмысления философии Гения поэзией русского предромантизма дается системный анализ «новой эпистолы» М.Н.Муравьева «Сила Гения» (1785 - 1797).

В общем заключении главы делаются ключевые выводы касательно типологии и эволюции категории Возвышенного в отечественной предромантической поэзии. Запечатлен этот процесс в таких художественных открытиях, как: ярко выраженная дуалистичность мировидения, в романтизме достраиваемая в классический принцип Двоемирия «Там – Здесь» (в предромантизме нагляден диалог «ветвей» Меланхолии: «светлой» и «черной»); философия Смерти и Бессмертия (варианты «меланхолической поэтики» - мотивы Сна / Мечты и Смерти как «целительной Гармонии»); поэтика Ночи.

¹ От масонских созвучий у с.Боброва до раннеромантических вариаций в лирике Андрея Тургенева

² Медитативная картина у позднего Державина – «Лебедь», (1804), ранние опыты А.Востокова

³ Ср. в оригинальном творчестве Н.Львова и через рецепцию германского «штюрмерства»

⁴ От анакреонтики Львова – до «Откровения музыки» Востокова

⁵ С дидактическими реликтами – см. у З.Буринского, Н.Грамматина, целно – в т.ч. у А. Мерзлякова

Обуславливает взаимодействие детерминанты Возвышенного с поэзией русского предромантизма и целый ряд внутритипологических структурных изменений самой категории Возвышенного, и преобразование моделей собственно поэзии. В онтологии Возвышенного понятие «доброй Бесконечности» поэзия предромантизма либо затушевывает, либо – чаще – отодвигает в прогностическую «почти-недостижимость». Значительно активизируется представление о Хаосе (далее – центральный символообраз «злой Бесконечности»). При сохранении характерной для Возвышенного тяги к восстановлению Гармонии из Хаоса, на общеполитическом уровне предромантической русской поэзии возникает феномен так называемых кризисных «меж-бесконечностей» (хронотоп Сна в переплетении с развивающимся культом Смерти, поэтика Катастрофы и втекающая в нее «эстетика Страха» и некот.др.). Образно-тематические модели предромантической лирики отражают это в т.ч. как движение «кладбищенской Меланхолии» к поэтике Смерти и как динамику символа так называемого «Гения испытаний». Во всех практически случаях это подготавливает интенсификацию диалога Возвышенного с Трагическим. Остается значимым и понимание Возвышенного как Религиозного. На жанровом уровне предромантической поэзии синкретичное элегико-идиллическое «ядро» (доминанта – первой составляющей), в прямой взаимозависимости с поэтикой Возвышенного, подвергается «расширению» через вторжение поэтики оды или балладной символики.

Локальные художественные особенности поэзии русского предромантизма при осмыслении авторами поэтики Возвышенного также предстают весьма показательно (наглядно иллюстрируют основные процессы, к примеру, такие произведения, как: «Сила Гения» (1785) М.Муравьева, «Ночь» (1798) А.Якубовича, «Утешение в печали» (1798) А.Мерзлякова, «На угольный пожар» (1799) Н.Львова, «Ночь в лесах Нового света» (1803) неизвестного автора, «Лебедь» (1804) Г.Державина и ряд др.). Поэты-предромантики гораздо богаче используют в композиции своих произведений прием образно-композиционного нарастания (особенно – в связи с астральной символикой). Соответственно, и ритмико-интонационные фокусы в художественной ткани оказываются менее однозначно заданными и «точечными», начиная пронизывать практически всю мелодику стихотворений. Гораздо устойчивей на образном уровне проявляет себя оппозиция становящегося лирического «я» (центральная модификация его – культ Гения) и картины мира (последняя зачастую сосредотачивается и внутри себя на диалектических контрастных тематических образах – Меланхолии, Смерти, Катастрофы). Система хронотопов диктуется уже *диалогом* онтологических символов Бесконечности и Хаоса, что дает в итоге показательный «сплав» в образе так называемой «злой Бесконечности» («бездны»). Идиллическая составляющая частотно расширяет потенциалы своего художественного воздействия за счет подключения элегической поэтики. Одним из определяющих

лирико-психологических лейтмотивов в системе предромантической поэзии выступает Меланхолия (двусторонне обращенная и к оптимистическому культу Мечты и к катарсису Скорби).

Структурообразующей оказывается поэтика Возвышенного и на некоторых качественно новых уровнях – в т.ч. через звуковую и световую символику (особенно – в связи с «ночной» поэтикой, онтологической темой Катастрофы и т.д.).

Динамика историко-литературного процесса в поэзии предромантизма еще в большей степени, нежели чем в случае с сентиментализмом, обнаруживает тенденцию к переходности. В частности, прогностические зоны переходности в историко-литературном процессе через диалог предромантизма с поэтикой становящегося романтизма: топос Ночи; культ Мечты; архетипические симвообразы Смерти и Гения; «поэтика Скорби» (от архетипа Меланхолии – к симвообразу Ипохондрии и теме Рока).

В общем ЗАКЛЮЧЕНИИ по диссертации делаются следующие выводы.

Многое в историко-литературном процессе времени сентиментализма и предромантизма, в т.ч. приоритетно – в поэзии, обуславливается многоаспектным взаимодействием с внутренней типологией детерминантной категории Возвышенного. Так, диалектика Сущности и Явления в ее структуре, первоначально близкая к их неразъединимости, через подключение представлений о Гармонии, Прекрасном, проявляется в диалоге с системой архетипов поэзии русского сентиментализма (один из ключевых – Тишина в моделях жанра идиллии). В то же время, например, элегико-балладные вариации предромантической лирики более ориентированы на приоритет Сущности над Явлением и феномен Возвышенного как «хиазма»¹. Заложенный в Возвышенном архетип Бесконечности у авторов русского сентиментализма преимущественно связан с представлениями о «доброй Бесконечности», в то время как поэзия предромантическая, через культ Гения в т.ч., выходит на понятия Хаоса и «злой Бесконечности». Значительный удельный вес идиллического начала в поэзии русского сентиментализма во многом взаимосвязан с лидированием Возвышенного Прекрасного (в частных случаях диалога с Возвышенным Религиозным, при преодолении отдельных «вторжений» Ужасного Возвышенного – что в синтезе прозрачно обнаружимо в «чувствительной» лирике русских масонов). В предромантической русской поэзии начинает доминировать Ужасное Возвышенное (хотя нередко оно еще побеждается Возвышенным Прекрасным при помощи Возвышенного Религиозного). В переплетении с этим процессом, особенно – в балладных вариациях, связанных с архетипом Меланхолии, актуализируется здесь частотность диалога Возвышенного с собственно Ужасным и Трагическим.

¹ Внутренняя энергетика (Сущности), разрывая пределы (Явления), выплескивается вовне (термин используется в т.ч. в трудах Л.Зайонц (Тарту) по поэтике С.Боброва)

Благодаря взаимодействию с поэтикой Возвышенного тематических архетипов и ключевых жанровых моделей поэзии сентиментализма и предромантизма, осуществляется выход на более локальный, но и более глубоко укорененный в ткани историко-литературного процесса *уровень философско-тематический*.

В системе хронотопов в произведениях главной для поэзии сентиментализма категорией воплощения Возвышенного оказывается Время. При устойчивом понимании Возвышенного как категории «восстановления Гармонии», художественная трансформация Времени завершается у сентименталистов на нейтральном образе Вечности. В предромантической же поэтике символообраз Вечности – только промежуточное звено на пути преобразования архетипа Бесконечности:

а) в негативном аспекте – к темам Смерти и Хаоса;

б) в позитивном ключе – к архетипу Бесконечности высшего порядка, связанному с идеей поэтического Бессмертия.

Пафос «восстановления Упорядоченности», заложенный в структуре Возвышенного, в предромантической модели реализуется в более сложных условиях – диалектического противостояния с представлениями о Космосе / Хаосе, по возрастающей рефлексийного начала: архетип Меланхолии – культ Смерти – символообраз Космоса.

Показательны и более локальные зоны реализации потенциалов Возвышенного в художественной ткани стихотворений в русском сентиментализме и предромантизме. Так, цветовая символика русской поэзии означенного периода во взаимодействии с эстетикой Возвышенного раскрывается:

а) в сентиментализме – как закономерное «восхождение»: от камерного зеленого цвета («земная идиллия») – через спектр цветов радуги в желто-алой его части – к кульминации «цветового действия» – тонам неба: синему, голубому, лазурному;

б) в предромантизме – либо через столкновение «солнечной» и «лунной» палитры, либо как контрастная «полемика» красного и черного цвета (в художественно-философском понимании характерные для Возвышенного «размыкание» границ земной Предельности и выход в Беспредельность (возможный Хаос)).

Звуковой уровень воплощения поэтики Возвышенного в лирической системе (термин Б.О.Кормана) сентиментализма, по-видимому, практически не явлен, поскольку главная задача звукописи здесь – служить передаче идеологии Гармонии (ср., к примеру, доминирование сонантов «л» и «н» в поэтических картинах Природы). Диалектика предромантического Возвышенного достаточно частотно раскрывается на звуковом уровне через «вторжение» в эстетику Тишины так называемой «фонике Хаоса (Катастрофы)» (в т.ч. – нагнетание звука «р», шипящих, не без реликтового влияния классицизма!).

На уровне динамики историко-литературного процесса исследование систем поэзии русского сентиментализма и предромантизма в их взаимодействии друг с другом и с детерминирующей поэтикой Возвышенного позволяет сделать и ряд важнейших прогностических выводов касательно *характера переходности в историко-литературном процессе России 1770-1810-х годов*. Она преимущественно проявляется:

- а) в поэзии сентиментализма – на уровнях тематическом и жанровом;
- б) в предромантической поэзии – на уровнях жанровом и философско-мировоззренческом (новое понимание мира в художественной словесности).

При этом поэзия сентиментализма более предрасположена к имплицитно проявляющейся переходности – через поэтику синкретичных: архетипа (Тишина) или жанра (Идиллия), «вбирающих» в себя приметы других (так возникает, к примеру, феномен «идиллического комплекса» в жанровой системе сентименталистской лирики).

Взаимодействие литературно-философских идеологий, как суверенная зона проявления переходности, склоняется к их (идеологий) союзу (синтез тенденций Просветительства и масонства – прежде всего).

В предромантической поэзии ситуация гораздо диалогичнее. При значительно большей активности проявления категории Возвышенного как детерминанты историко-литературного процесса, переходность начинает тяготеть уже к эксплицитному («вовне») воплощению. Наиболее распространенной моделью становится не-антогонистическое противоречие между:

- а) двумя архетипами – на тематическом уровне проявления переходности (архетипы Меланхолии и Смерти);
- б) двумя (и более) жанрами – на жанровом уровне (так, сложно взаимодействуют модели элегии и (философской) оды). В целом, и в сентименталистской и в предромантической поэзии побеждает тенденция движения к конструктивному *жанровому синтезу* на этом уровне. В поэзии сентиментализма сердцевиной выступает Идиллия, попадающая затем в противодействующее ей «кольцо» элегической медитации и дидактики оды. Последнее, в частности, усложняет путь «восстановления Гармонии» в стихотворениях, посвященных оригинальной философии Добродетели. Общая логика процесса имплицитной реализации детерминанты Возвышенного в поэзии сентиментализма раскрывается на философском уровне понимания как проникновение Бесконечного в Конечное (ср. в поэтической философии Природы). Поэтика предромантизма точкой отсчета избирает уже «элегико-идиллическое целое». Его, по законам поэтики Возвышенного, «расширение в бесконечность» идет либо ре-грессивным путем: через ретроспекцию одического задания, либо *прогрессивным*: благодаря прогностическому подключению балладной символики. Общая зако-

номерность процесса реализации детерминанты Возвышенного в предромантической поэзии – попытка преодолеть (разорвать) Конечное и выйти в Бесконечное.

в) двумя (иногда – более) моделями на уровне философского осмысления мира.

Характерная для эпохи рубежа веков «эмансипация духовного» запечатлевает свое преобразующее мировоззренческое начало: через архетип Добродетели – в поэтике сентиментализма, и архетипический образ Гения – в предромантизме, соответственно. Показательны намечающиеся пути возможного синтеза архетипических символов Добродетели и Гения – на пересечении «векторов» сентименталистской и предромантической поэзии. Так, на рубеже XVIII-XIX веков складывается представление о гении-поэте как «хранителе Добродетели», готовящемся к восстановлению Гармонии в мироздании.

Поэзия сентиментализма и поэтику Возвышенного и характер переходности раскрывает по преимуществу через ориентацию на уже сложившиеся литературные и философские традиции (эстетика классицизма, Просветительские учения). Предромантическая поэзия в этом плане значительно больше ориентирована на «предугадывание» только еще возникающих тенденций историко-литературного процесса (прежде всего, - в системе «взаимоотношений» собственно предромантизма с рождающимся ранним романтизмом).

В диалоге с историко-литературным и литературно-философским контекстом сентиментализм «выбирает» себе «собеседников» по преимуществу ориентирующихся на «ядро» культуры (прежде всего – магистральная поэтика классицизма или Просветительская идеология) и поэтому оказывается более нормативным. Предромантизм же, в силу самой своей внутренней природы, несравнимо более предрасположен к переходности. Поэтому закономерно более органичное его взаимодействие с такими «партнерами» в разных временных пластах, как барокко или неоклассицизм, с изначально большей их ориентацией на «периферийные» (в лотмановском понимании) явления.

В целом, если для поэтики сентиментализма еще сохраняет значимость позитивный дидактизм представлений о мире как Гармонии, то предромантическая модель склоняется к признанию двойственности мира, раздвоенности его между стремлением к Гармонии и Хаосом (в частности, появляется проблема так называемого «возвышенного Зла»).

Диалектический процесс взаимодействия сентиментализма и предромантизма в русской поэзии 1770-1810-х годов, рассмотренный через динамику связи с детерминирующей процесс поэтикой Возвышенного, дает возможность увидеть, как:

а) по мере ослабления дидактической поэтики в композиции стихотворений, выкристаллизовывается тематический образ лирического «я» (при значительном усложнении общей психологической палитры в целом: из «пра-зерна» эстетики Чувства – к психологическим лейтмотивам Надежды, Меланхолии, Скорби и ряду определяющих других);

б) поступательно складывается система жанров русской поэзии с новыми своими доминантами в «лице» философской элегии, послания, баллады, лирической миниатюры и некот.др.;

в) отклоняясь от эстетического синкретизма, литература начинает достаточно четко ориентироваться на прогностическую систему направлений последующего, девятнадцатого, столетия (так, романтизм вступит в полифоничный диалог в т.ч. и с реализмом¹).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Научные монографии

1. Пашкуров А.Н. Категория Возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология / А.Н.Пашкуров. – Казань: Изд-во Казанск.ун-та, 2004. – 212 с.

2. Пашкуров А.Н. М.Н.Муравьев: Вопросы поэтики мировоззрения и творчества (К 250-летию писателя и 200-летию Казанского университета). / Казан.гос.ун-т. Филол.фак-т; каф.рус.лит. / А.Н.Пашкуров. – Казань, 2004. – 128 с. (в соавт. с О.В.Мясниковым).

II. Научные статьи и материалы конференций; методические пособия

1. Пашкуров А.Н. Диалог о «поэте и поэзии»: М.Н.Муравьев и А.С.Пушкин / А.Н.Пашкуров // Учён.зап.Казанск. гос.ун-та. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – Т.136. – С.38-42.

2. Пашкуров А.Н. «И в песнях не пройду к другому поколению?..» – «Нет, весь я не умру...»: М.Н.Муравьев и А.С.Пушкин о «поэте и поэзии» (К постановке проблемы) / А.Н.Пашкуров // А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Материалы Междунар.науч.конф., посвящённой 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина . 26-28 мая 1998 г. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – С.54-56.

3. Пашкуров А.Н. Элегия в диалоге сентиментализма и романтизма (Г.П.Каменев и М.Н.Муравьев) / А.Н.Пашкуров // Чтения, посвящённые 225-летию со дня рождения Гавриила Каменева, поэта и жителя Казани (материалы выступлений). 13-14 февраля 1997 г. – Казань, 1998. – С.5-6.

4. Пашкуров А.Н. Эволюция жанра идиллии в поэзии М.Н.Муравьева / А.Н.Пашкуров // Филологические науки. – М., 1999. - № 6. – С.87-92.

5. Пашкуров А.Н. Евгений Боратынский и Гавриил Каменев: некоторые грани диалога поэтических миров / А.Н.Пашкуров // Слово и мысль Е.А.Боратынского: Материалы Между-

¹ о перспективности и назревшей необходимости, в т.ч. через поэтику сентиментализма, анализа детерминанты Возвышенного в реализме писал в свое время, напр., проф.Р.Фигут

нар.науч.конф., посвящённой 200-летию со дня рожд. Е.А.Боратынского. 21-24 марта 2000 г. – Казань: «АБАК», 2000. – С.55-56.

6. Пашкуров А.Н. Евгений Боратынский и Гавриил Каменев: К постановке проблемы / А.Н.Пашкуров // Учён.зап.Казанск.гос.ун-та. – Казань: УНИПРЕСС, 2000. – Т.139. – С.104-110.

7. Пашкуров А.Н. История русской литературы XVIII века: научно-методический комплекс / Сост. к.ф.н. А.Н.Пашкуров. – Казань: Лаб.оперативной полиграфии КГУ, 2000 – 62 с.

8. Пашкуров А.Н. Гавриил Романович Державин / А.Н.Пашкуров // Русская литература от «Слова о полку Игореве» до наших дней. - Изд.2-е, испр. и доп. – Казань: Изд-во Казанск.гос.ун-та, 2000. – С.11-15.

9. Пашкуров А.Н. «Добродетель человеколюбия»: М.Н.Муравьев и Х.-Ф.Геллерт (К постановке проблемы диалога Германии и России в эволюции «моральной философии» XVIII века / А.Н.Пашкуров // Deutsch-russischer Dialog in den Philologien, Herausgegeben von H.Jelitte, M.Horkavtschuk. – Peter Lang: Europaischen Verlag der Wissenschaften. – Sonderdruck, 2001. – S.161-165.

10. Пашкуров А.Н. Элегии Г.П.Каменева... / А.Н.Пашкуров // /Материалы Каменевских чтений: Казань, 15 февраля 2002 г./, www.tatarmuseum.com/boratynsk.ru. – 0,5 печ.л.

11. Пашкуров А.Н. Диалектика Возвышенного в альманахе Н.М.Карамзина «Аглая» / А.Н.Пашкуров // Литературные чтения в усадьбе Боратынских. – Казань: Изд-во Национал.музея РТ, 2002. – С.40-42.

12. Пашкуров А.Н. К поэтике «Оды о Природе»: по страницам категории Возвышенного в русской поэзии рубежа XVIII-XIX веков / А.Н.Пашкуров // Природа: Материальное и Духовное: Тезисы и доклады Всероссийск.науч.конф. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Ленингр.гос.обл.ун-та им.А.С.Пушкина «Пушкинские чтения-2002». 6-7 июня 2002 г. – СПб.: ЛГОУ им.А.С.Пушкина, 2002. – С.25-27.

13. Пашкуров А.Н. Возвышенное Чувствительное: итоги развития к XIX столетию / А.Н.Пашкуров // Поэтическое перешагивание границ: юбилейный сб. К 65-летию Почетного доктора Казанского университета Герхарда Гиземанна / Под ред.проф.Г.А.Фролова. – Казань: Изд-во Казанск.гос.ун-та, 2002. – С.59-67.

14. Пашкуров А.Н. К проблеме «масонского Возвышенного» в России рубежа XVIII-XIX веков (некоторые аспекты) / А.Н.Пашкуров // Русская и сопоставительная филология. Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: Материалы Итоговой научной конференции. – Казань: УНИПРЕСС, 2002. – С.68-69.

15. Пашкуров А.Н. Русская поэзия от рубежа XVIII-XIX веков к Пушкинской эре: Лица и жанры: методические указания к спецкурсу для студентов отделения РО филологического факультета / Сост. доц. А.Н.Пашкуров. – Казань: УНИПРЕСС, 2003. – 28 с.
16. Пашкуров А.Н. М.Н.Муравьев-критик о Гении / А.Н.Пашкуров // Критика и ее исследователь: сб., посвященный памяти проф.В.Н.Коновалова... – Казань: Изд-во Казанск.гос.ун-та, 2003. – С.51-60.
17. Пашкуров А.Н. Некоторые грани Возвышенного в русской философской оде («Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния» М.В.Ломоносова и «Ночь» С.С.Боброва) / А.Н.Пашкуров // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз.сб.науч.трудов. – Санкт-Петербург - Самара: Изд-во «НТЦ», 2003. – С.191-210.
18. Пашкуров А.Н. Из истории русской эстетической мысли XVIII века: М.Н.Муравьев «Разсуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого и надутого» / А.Н.Пашкуров // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых; филол.фак-т. – Казань: Изд-во Казанск.гос.ун-та, 2003. – С.175-182.
19. Пашкуров А.Н. Поэтика Тишины на закате русской оды: Г.Р.Державин и Е.П.Люценко / А.Н.Пашкуров // Г.Р.Державин в новом тысячелетии: материалы Междунар.науч.конф., посвященной 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания университета (Казань, 10-12 ноября 2003 г.) / Сост.А.Н.Пашкуров. – Казань: Изд-во Казанск.гос.ун-та, 2003. – С.46-48.
20. Пашкуров А.Н. Русский сентиментализм. Литература последней четверти XVIII века / А.Н.Пашкуров // Русская литература X – первой четверти XIX веков: Методические указания для студентов отделения романо-германской филологии / Сост. доц.А.Н.Пашкуров. – Казань: Казан.гос.ун-т им.В.И.Ульянова-Ленина, 2004. – С.11-16.
21. Пашкуров А.Н. Языковая картина мира в суггестивной элегии русского предромантизма: поэтика Меланхолии / А.Н.Пашкуров // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар.науч.конф., посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы / Казан.гос.ун-т; под общ.ред. К.Р.Галиуллина. - Казань: Казан. гос. ун-т им.В.И.Ульянова-Ленина, 2004. – С.233-235.
22. Пашкуров А.Н. Возвышенное в ранней лирике Е.П.Люценко (к постановке проблемы) / А.Н.Пашкуров // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук» №1, 2004. – Самара: Изд-во Самарск. науч. центра РАН, 2004. - С.132-136.
23. Пашкуров А.Н. Поэтика Тишины: сентименталистские тенденции в поздней русской оде (Г.Р.Державин и Е.П.Люценко) / А.Н.Пашкуров // Г.Р.Державин глазами XXI века:

(К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина) / Казан. гос. ун-т; Сост., отв. ред. А.Н.Пашкуров.- Казань: Казан. гос. ун-т, 2005.-С.123-129.

24. Пашкуров А.Н. Элегика Каменева в свете концепции ужасного возвышенного / А.Н.Пашкуров // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани: Литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г.П.Каменева и 170-летию приезда А.С.Пушкина в Казань. – Казань: РИЦ «Школа», 2004. – С.106-116.

25. Пашкуров А.Н. Возвышенное Добродетели в русском масонстве (некоторые аспекты) / А.Н.Пашкуров // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани: Литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г.П.Каменева и 170-летию приезда А.С.Пушкина в Казань. – Казань: РИЦ «Школа», 2004. – С.116-118.

26. Пашкуров А.Н. Поэтика предромантической элегии: «Время» М.Н.Муравьева / А.Н.Пашкуров // Литература в школе. – М., 2005. - №3. – С.15-17.

27. Пашкуров А.Н. Диалог Ужасного Возвышенного и Возвышенного Прекрасного в русской философской оде / А.Н.Пашкуров, М.В.Егорова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз.сб.науч.тр. Вып.11. – Санкт-Петербург - Самара: Изд-во «НТЦ», 2005. – С.242-249.

28. Пашкуров А.Н. Поэтика Возвышенного в лирике А.П.Буниной / А.Н.Пашкуров, А.А.Кадырина // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз.сб.науч.тр. Вып.11. – Санкт-Петербург - Самара: Изд-во «НТЦ», 2005. – С.249-258.

29. Пашкуров А.Н. Русская философская ода – опыт прочтения: Ода С.С.Боброва “Ночь” в философско-поэтическом контексте / А.Н.Пашкуров // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в ВУЗе и школе: Материалы межрегион.науч.конф. / Отв.ред. Г.Ю.Филипповский. – Ярославль: ЯрГПУ им.К.Д.Ушинского, 2004. – С.24-26.

30. Пашкуров А.Н. «Громвал», баллада Г.П.Каменева / А.Н.Пашкуров // Татарская энциклопедия / Гл.ред М.Х.Хасанов. – Казань: Институт татарской энциклопедии, 2005 /Т.2/. – С.199.

31. Пашкуров А.Н. Каменев Г.П. / А.Н.Пашкуров // Татарск.энциклопедия (Т.3). – 0,04 печ.л. (в печати).

32. Пашкуров А.Н. «Царство цветов» ранней лирики М.Н.Муравьева в свете концепции переложения Д.И.Ознобишина «Селам, или Язык цветов» / А.Н.Пашкуров // <Материалы Всеросс.науч.-практ.конф.«Ознобишинские чтения» (Инза, май 2003), Инзенский филиал УлГУ. – Инза, 2004. - Ч.1>. – 0,17 печ.л. (в печати).

33. Пашкуров А.Н. Забытая страница русского сентиментализма: Ефим Люценко и его «Весна» / А.Н.Пашкуров // <Сборник материалов Литературных чтений в усадьбе Боратынских – Казань, март 2003>. – 0,08 печ.л. (в печати).

34. Пашкуров А.Н. Возвышенное в художественном сознании русского масонства: эстетика и поэзия / А.Н.Пашкуров // Проблемы изучения русской литературы XVIII века (Санкт-Петербург - Самара). Вып.12. - 0,54 печ.л. (в печати).

35. Пашкуров А.Н. Становление «кладбищенской» юнгианской поэтики в лирике Г.П.Каменева / А.Н.Пашкуров // <Материалы Итоговой науч.конф. КГУ 2004 г.> – 0,3 печ.л. (в печати).

36. Пашкуров А.Н. Предромантизм в русской литературе: зарождение, эволюция, перспективы: Научно-методическое пособие для магистрантов филологического факультета / А.Н.Пашкуров. – 1,08 печ.л. (в печати).

37. Пашкуров А.Н. У истоков русской «женской поэзии»: Анна Турчанинова и ее элегии / А.Н.Пашкуров // <Сборник материалов Литературных чтений в усадьбе Боратынских – Казань, март 2005>. – 0,29 печ.л. (в печати).

38. Пашкуров А.Н. К проблеме «Гений и музыка» в русской предромантической поэзии / А.Н.Пашкуров // Проблемы изучения русской литературы XVIII века (Санкт-Петербург - Самара). Вып.12. - 0,33 печ.л. (в печати).